

АНТИОХИЙСКИМ АРХИЕРЕЯМ НРАВИТСЯ ИНИЦИАТИВА МИРЯН

Интервью митрополита Аккарского Павла (Антиохийский патриархат, Ливан)
газете "Кифа" и журналу "Новый ковчег" (Белгород)

Вопрос: Владыка, Вы упоминали о том, что Ваша мать училась в русской школе. Не могли бы Вы рассказать об этом поподробнее?

Митр. Павел: Вы можете себе представить, насколько мать может передать свою веру, свидетельствовать своим детям. Это она нас воспитала в православной церкви. Благодаря ей мы знали о существовании школ, основанных русскими в Ливане и даже в Сирии тогда, когда образование не было гарантировано для всех. В русской школе было полное образование, в ней преподавали арабский и русский языки. Там бесплатно предоставляли все книги и учебные пособия. Те, кто заканчивал эти школы, продолжали учёбу в городах Палестины. Благодаря полученному образованию они могли потом сами преподавать. И моя мать стала преподавателем. Никогда в русских школах не было политики, не было никакого стремления к тому, чтобы дети обязательно любили Россию. Но на самом деле все школьники любили Россию и как-то очень привязывались к православной вере. Вот только один пример. В моей епархии на севере Ливана сейчас много таких школ, которые некогда были русскими. На праздниках мы всегда используем славянский язык в богослужении, как и греческий и, конечно, русский. Благодаря моей матери я могу читать молитвы на славянском языке — «Христос воскрес» и некоторые другие. И на Пасху, когда читается Евангелие на разных языках, обязательно звучит славянский.

Вопрос: А в какое время Ваша мать училась в такой школе? И кто организовывал эти школы — Палестинское общество?

Митр. Павел: Да, этим занималось Российское Палестинское общество. Разумеется, это было до революции. После революции таких школ больше не было. Потом, когда наступило время советской власти, ливанцы никак не могли понять, что там, в Советском Союзе, атеистическая страна, потому что для них Россия — это прежде всего православная вера.

Вопрос: Каковы, по Вашему мнению, главные препятствия для православной миссии сейчас?

Митр. Павел: Мы всегда нуждаемся в том, чтобы наша вера была живой. Например, необходимо образование и воспитание в семьях, чтобы ребёнок рос в вере. Важно и то, чтобы посещение церкви не было только привычкой. Важно, чтобы человек принимал участие в литургической жизни.

У нас занимаются образованием католические братства, и даже некоторые протестантские секты открыли свои школы. Православных школ у нас было очень мало, кроме тех, что изредка приход организовывал сам. Поэтому православные дети получали образование либо католическое, либо протестантское. Вот это для нас большая проблема. Надо было как-то возвращать детей к православной вере. У нас всегда были православные школы, но очень мало по сравнению с другими конфессиями.

С другой стороны, образования в школах, даже в православных школах, недостаточно, надо ещё заниматься в библейских кружках, потому что школьное образование — это не то же самое, что катехизация.

Вопрос: Есть ли у вас при епархиях специальные организации, отделы или что-то ещё, занимающиеся катехизацией или дальнейшим обучением? Или это держится на личной инициативе отдельных приходов?

Митр. Павел: Скорее это некие профессиональные инициативы и вся работа, например, епископа — как-то соединять эти разные силы. И очень важна работа разных движений, например, МЮ, известного движения православной молодёжи в Ливане, являющегося членом Синдесмоса и получившего в 1945 г. благословение Священного Синода. Но надо сказать, что эти движения не затрагивают всех, поэтому Святейший патриарх с членами Синода старается, чтобы как можно больше было какой-то катехизации в семьях.

Вопрос: Без священника?

Митр. Павел: Да. Иногда в одном квартале, например, одна семья приглашает всех. И там обсуждаются разные вопросы. Существует не только МЮ, есть разные ассоциации, например, в том районе, в котором я жил, была такая ассоциация женщин. Они изучали Священное писание, Евангелие, читали толкования и потом старались как-то это применять в своей жизни.

Вопрос: Это была инициатива настоятеля прихода или епископа, или же это была инициатива снизу?

Митр. Павел: Снизу. Священноначалие потом благословляло это и помогало двигаться. Как раз епископам очень нравилось, что были такие инициативы. Даже бывало так, что некоторые епископы, когда видели, что делалось в другой епар-

хии, старались повторить это у себя.

Вопрос: Эти организации для катехизации включали взрослых людей, семейных. А были ли какие-то специальные подобные организации на уровне работы с детьми, подростками и молодёжью?

Митр. Павел: Дети были тоже как-то затронуты, потому что родители встречались в этих кружках и потом в собственных семьях передавали то, что там получали.

Вопрос: А специальной какой-то детской или молодёжной организации, хотя бы типа скаутов, — этого нет?

Митр. Павел: Специально для детей — нет. Но МЮ старается затронуть все поколения.

Что касается богословских институтов, наши епископы учились, во-первых, на Халки, некоторые — в Париже, кто-то — в Нью-Йорке, в Свято-Владимирской семинарии. Патриарх учился в Свято-Сергиевском институте. Потом открылся институт у нас в Баламанде. До этого в Баламанде существовала семинария, но там можно было получить только среднее образование, на уровне гимназии. Я сам учился в Баламанде, потому что у меня не было возможностей и средств, чтобы учиться в другой стране.

Вопрос: Издаются ли в Ливане какие-то православные журналы, газеты, что тоже является миссионерским делом?

Митр. Павел: В МЮ существует журнал, который называется «Свет». Патриархия тоже выпускает журнал. В епархиях можно купить маленькие, на четыре странички, еженедельные брошюры с указанием литургических служений, с толкованием на Евангелие.

Вопрос: А на каком языке они печатаются?

Митр. Павел: На одном языке — на арабском. Также мы издаём книги и богослужебные тексты. У нас существуют переводы, даже с русского языка мы кое-что перевели. Мой предшественник, епископ, богословское образование получил в России. И часовня, которую мы имеем в епархии, освящена во имя Христа Спасителя в честь вашего московского храма. И даже в библиотеке много русских книг, теперь я ими занимаюсь. У нас также существуют переводы с греческого, с разных других языков, но должен сказать, что все больше и больше мы пишем по-арабски.

(окончание на стр.12)

2 (29)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

ФЕВРАЛЬ
2005

в газете использованы
материалы сайта www.sfi.ru

В номере:

У американцев
есть особая
миссия —
благодарности

Интервью ведущего
программ Миннесотско-
го Христианского Радио
Олега Воскресенского.

Стр. 2

Студенческая
конференция
«Сретенские
чтения» прошла в Свято-
Филаретовском право-
славном-христианском
институте

Наиболее интересные доклады ее
участников читайте
на стр. 4-5

Миссия в секулярном
и фундаменталистском
обществе

Материалы
круглого стола,
прошедшего в
рамках Сретенско-
й встречи
сотрудников СФИ
и Содружества

малых братств 14 февраля 2005 года.
Стр. 6-7

Свобода — непременно
условие качества газеты

Интервью Игоря
Иванова, главного
редактора христи-
анской православной
газеты Севера
России «Вера-
Эском» (Сыктывкар)

Стр. 8

День молодежи — 2005:
Что ожидали? Что полу-
чилось?

26-27 февраля
прошла встреча
молодежи
Содружества
малых братств
стр.9

Кто такие
анабаптисты?

Драматическая
история радикаль-
ного протестантско-
го движения,
отвергшего младен-
ческое крещение.

Стр. 11

У АМЕРИКАНЦЕВ ЕСТЬ ОСОБАЯ МИССИЯ – БЛАГОДАРНОСТЬ

Интервью ведущего программ Миннесотского Христианского радио Олега Воскресенского

Олег Воскресенский — окончил филфак Московского пединститута, учился в Джорданвилльской семинарии (РПЦЗ), окончил магистрат Bethel Theological Seminary. Сотрудник благотворительной организации помощи беженцам World Relief, переводчик апологетической литературы, проповедник. С 1991 года постоянно проживает в США.

церкви, Вы не так делаете”, — вопросы чисто культурного характера. “Это так сейчас молятся в Советском Союзе?” Такого рода вопросы и отношение было тогда. Оно не преобладало, но чувствовалось.

Сейчас настроение в храмах гораздо более открытое, гостей из бывшего Советского Союза больше — людей с разнообразным прошлым, разных возрастов, разных культурных слоев и т.п. Мне кажется, эта открытость постепенно обретает силу и становится преобладающей, хотя и не без исключений, которые могут быть самыми шумными. Они бросаются в глаза именно на общем фоне. Я сейчас припоминаю некоторые лица и личности, которые ведут себя громче других именно потому, что за последние 10 лет почувствовали себя оказавшимися в меньшинстве. Они, основавшие эту церковь, сохранившие ее в чистоте и неприкосновенности, вдруг оказались, как им кажется, в очень уязвимом для хозяев положении. Поэтому и возникают всякие вопросы о собственности: кому все это принадлежит, из каких рук в какие будет передаваться и т.д. Но повторю, сейчас это не общее настроение.

Ки́фа: Американская православная церковь — это растущая церковь или скорее, наоборот, угасающая? Число прихожан растет? Есть ли интерес у исконных американцев к Православию, и, если есть, что их привлекает?

Олег Воскресенский: Меньше всего мне хотелось бы показаться экспертом по Американской православной церкви. Но я знаю то, что очевидно и для чего специалистом быть не надо. По любой американской статистике православная церковь — самая быстро растущая церковь в Америке, не самая многочисленная, но самая быстро растущая. Это началось ещё с конца 70-х годов. Такие люди, как Питер Гилквист (Peter Guilkvist) — видный протестантский проповедник, и целая группа видных деятелей евангелического движения, приняли православие. Это было достаточно весомо — некое заявление о том, чего ищет христианин в Америке, чего не хватает глубоко верующим американцам в различных церквях.

Ки́фа: А что они нашли в православии?

Олег Воскресенский: Вы толкаете меня на очень интересный диалог. (Смеется). Этим людям не хватало в протестантской церкви — а это очень широкий спектр евангельских церквей — таинственности, от слова таинство. Не хватало веры, доверия к Богу, ведь одна из характерных черт протестантских церквей, деноминаций и учений — понятие, сформулировать и осознать рационально, “левополушарно” свою веру и утвердиться в ней, что и было в 70-е и до конца 80-х годов. Это стремление пришло к кризису. Стало очевидно, что чем больше усилий прилагается к вербализации веры, тем больше людям не хватает Бога, тем увереннее Дух заявлял людям о том, что они берутся за невозможное. Люди не находили удовлетворения в своем стремлении к познанию Бога, к общению с

Ним. Опять-таки, может быть, я упрощаю: людям с “правополушарным” складом ума не хватало в протестантском богослужении насыщенности, полноты и ощущения Божьего присутствия. Белёные стены большинства протестантских церквей не дают пищи глазам, чувствам.

Ки́фа: Здесь дело прежде всего в анатомии или в эстетике?

Олег Воскресенский: Конечно, в эстетике. Эстетическое восприятие Господа дает душе колоссально много. Непонятно, почему я говорю это Вам, православному человеку. Этого недостает протестантским церквям и отсюда стремление к полноте общения с Богом. И еще важно учитывать совсем иное отношение к опыту Церкви. Американский менталитет построен на том, что изобретенный вчера компьютер лучше того, который был изобретен позавчера: чем новее компьютер, тем он современнее и лучше. Новый дом и новая машина лучше позавчерашних. Этот менталитет имеет свои пределы и не дает душе той полноты, которой она требует. Нужно обращаться и к будущему, и к прошлому опыту, который накопила Церковь. И вдруг оказывается, что и двести, и тысячу лет назад люди находили Бога, могли выявить такие глубины общения с Ним, жизни с Ним, какие многим американцам и живущим в Америке сегодня недоступны, потому что мы направлены в другую сторону. Обращение к опыту Церкви, к патристике, ко всему этому слою, очевидно, привлекло и продолжает привлекать многих. С этим связаны два явления — обращение к православию и все большее обращение неправославных церквей к этому опыту. Все чаще можно видеть включение в богослужение в неправославных церквях православных литургических элементов, эстетических элементов, обращение к патристическому наследию.

Ки́фа: В связи с этим возникает вопрос о формах сотрудничества в Америке разных церквей. Есть ли здесь конкретные и убедительные примеры?

Олег Воскресенский: Конечно, есть. Они замечательные. Это встречи и совместная деятельность на самых разных уровнях. У нас в городе пасторы и священнослужители всех деноминаций стараются каждый месяц совместно молиться о городе, о штате. Это место и время поделиться своими нуждами, заботами, болями, радостями, пригласить друг друга к участию в различных служениях, в том числе к совместному богослужению друг с другом в церкви. Люди с удовольствием ходят друг к другу и учатся иному опыту знания, общения с Богом, жизни с Богом. Эти молитвенные встречи существуют и среди русских эмигрантов. Надо сказать, что нам, эмигрантам, они даются нелегко. Мы приезжаем в Америку со своим “подпольным” сознанием, когда есть “наши” и “не наши”. Для американцев это гораздо менее характерно. Они на своей земле, мы — на чужой.

Ки́фа: Скажите, есть ли какие-то единые программы в миссионерском служении?

Олег Воскресенский: Да, они есть. Больше, наверное, на уровне слова, чем дела. Но поиски совместных программ, например, евангелизации, существуют больше среди американских церквей разных деноминаций, чем среди эмигрантских национальных церквей (кажется, так они называются). Эти программы связаны с совместными изданиями, участием в средствах массовой информации: с удовольствием публикуются материалы авторов разных деноминаций в журналах разных дено-

минаций, также есть программы на радио и, в меньшей степени, на телевидении.

Это и проведение совместных детских лагерей и фестивалей. Гораздо в большей степени эти процессы происходят не на социальном уровне, а на уровне семьи. Например, в православном лагере, который организует православная церковь, может быть 10% католиков, 20% протестантов всех сортов и, конечно, большинство православных. Неправославные — это соседские дети, друзья, которых пригласили сверстники. Взрослые не видят в этом ничего дурного, наоборот, радуются, что их ребенок проведет лето в иной культурной среде. Эта среда христианская, хотя и отличная по церковной культуре, но это и хорошо. Ребенок узнает, испытает что-то новое, примет участие в ином неожиданном опыте. Такого рода знакомства довольно часты. Это норма, даже больше — это благо, которое лелеется, которому рады не только родители, но и все.

Но я отвечаю не на Ваш вопрос — Вы спрашивали о миссионерской деятельности. Наверное, не случайно я ушел от этого вопроса, потому что не нашел сразу положительного ответа. Но вот то, что мы сейчас здесь, в России, с группой членов Церкви Завета — один из примеров тому. Эта церковь ищет сотрудничества, возможность миссионерской деятельности “чужими руками”. Эта церковь понравилась мне, в частности, тем, что в ее миссионерском видении отсутствует идея о насаждении своих местных церквей. Церковь Завета трудится на миссионерском поприще в России уже больше 10 лет, но в России нет и не будет церквей этой деноминации, если только шведы не переедут сюда жить, тогда они привезут сюда и свою церковь. Их миссионерская деятельность состоит в том, чтобы поддерживать информационно, молитвенно, финансово, материально, любыми имеющимися у них ресурсами, служения тех церквей, тех верующих, которые уже трудятся на этой земле, которые родные этой земле.

Ки́фа: Насколько американцы воспринимают свою деятельность в мире как особую миссию?

Олег Воскресенский: Американцы ее воспринимают как отклик нормального человека на благословение Божье. Америка была особым образом благословлена Богом. Он ее хранил и она достигла богатства, материального расцвета. Американцы чувствуют, что эта страна была особо благословлена. Это очевидно, наверное. У американцев есть особая миссия благодарности — из чувства благодарности простого человека делиться с миром тем благословением, которым Господь наделил эту страну. Мне часто приходится отвечать в своих миссионерских поездках на вопрос: «Почему американцы едут на Украину, в Россию? Что им здесь надо? Чего они от нас хотят?» Бывает очень трудно поменять это отношение, объяснить, что здесь они хотят не от вас, а для вас и что это нормально — делиться с человеком благословением из благодарности. Большинство американцев согласятся с тем, что это благословение они не заслужили и не заработали. Многие страны заслужили его гораздо больше. Поэтому не поделиться, не поблагодарить от щедрот своих, собственно, не своих, а Господних, — значит рисковать потерять его, обречь себя на неблагодарность. Вот в этом американцы видят свою особую миссию. Объяснить это трудно.

Беседовал Александр БУРОВ
Санкт-Петербург

ПАНИХИДА ПО С.С. АВЕРИНЦЕВУ БЫЛА ОТСЛУЖЕНА НА МОГИЛЕ УЧЕНОГО

На панихиде, которая была совершена 21 февраля, в годовщину преставления выдающегося ученого и переводчика, присутствовали его вдова, Н.П. Аверинцева, родные, близкие и коллеги, сотрудники Свято-Филаретовского института, с которым С.С. Аверинцева связывала многолетняя дружба.

Панихиду отслужил ректор Свято-Филаретовского православно-христианского института (СФИ) проф.-свящ. Георгий Кочетков, который в своем слове сказал:

«Мы верим, что Господь сотворит и уже творит вечную память Сергею Сергеевичу и что он уже пре-

бывает в вечной памяти Господней, но очень важно, чтобы и наша человеческая память не прекращалась, чтобы она могла приносить новые плоды, потому что все, сделанное Сергеем Сергеевичем, предполагает длительное усвоение и, значит, воспоминание.

Пусть его наследие и он сам объединяет людей для служения Господу, дабы мы возблагодарили Бога за таких людей. Господь посылает их на землю, вдохновляет и возвышает так, как может это делать Он один.

Вечная память приснопоминаемому Сергию! Аминь».

В ДНИ ПРАЗДНОВАНИЯ СРЕТЕНИЯ ПРОШЛА ОЧЕРЕДНАЯ ВСТРЕЧА СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

Во встрече, которая проходила в одном из подмосковных домов отдыха, приняли участие православные христиане из разных регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Как всегда, напряженная работа семинаров и круглых столов сочеталась с интенсивной молитвенной жизнью, включавшей в себя и традиционные православные праздничные трапезы — агапы.

С большим интересом обсуждалась тема года «О мирном и непримиримом противостоянии злу в церкви и обществе». В выступлении духовного попечителя Содружества священника Георгия Кочеткова было особо отмечено принципиальное значение духовной встречи и общения для христианского противостояния злу как в церкви, так и в обществе. Это было названо главным способом такого противостояния, а встречи, подобные сретенской, его конкретным примером.

Большое внимание на встрече было уделено проблемам миссии в современном обществе. Отмечалось, что основным препятствием на пути православной миссии в России является псевдоправославный фундаментализм. Преподаватель Свято-Филаретовского православно-христианского института (СФИ) В.К. Котт назвал в качестве определяющих признаков фундаментализма полную закрытость для общения и излишнюю идеологизацию отдельных сторон жизни церкви. По свидетельству большинства участников обсуждения, имеющих практический опыт православной миссии в современных условиях, к сожалению, на всем постсоветском пространстве чаще наблюдается поддержка разного рода властями именно фундаменталистов. А так как фундаментализм до сих пор не имеет достаточного противовеса в церкви и обществе, нередко именно он становится элементом строящейся государственной и церковной идеологии. И часто это мертвое и мертвящее начало объявляется фундаментом духовного возрождения на постсоветском пространстве, а церковная миссия и катехизация рассматриваются подчас чуть ли не как оружие в борьбе со всяким инакомыслием.

Такое положение не может не вызывать отторжения у многих людей, прежде всего у молодежи и интеллигенции. По свидетельству преподавателя Тверского госуниверситета И.М. Корпусова, в последнее время популярные в 90-е годы предметы, такие как, например, география религий, все больше теряют привлекательность среди студентов, уступая первое место экономическим и естественным наукам. В этих условиях, по мнению всех участников дискуссии, миссия должна быть вновь осознана не просто как одна из сторон жизни церкви в целом и конкретного братства или общины в частности, а как их основное служение — приведение людей ко Христу. Для этого необходимо обращаться к миру на языке понятном, убедительном и привлекательном для современных людей.

На прошедшем в рамках встречи ежегодном отчетно-перевыборном собрании просветительско-благотворительного братства «Сретение» его председателем был переизбран Д.С. Гасак.

Традиционным во время встреч Содружества становится принятие обетов членами братства «Трезвение». Это сообщество православных христиан, членов Преображенского содружества, посвятило себя достижению трезвения как универсальной добродетели всех людей, старающихся всерьез вести духовную жизнь. Смысл трезвения раскрывается не столько в трезвости — жизни без спиртного, курева и наркотиков — сколько в преодолении различного рода фантазмов и стремлений выдавать желаемое за действительное, что, в свою очередь, невозможно без трезвости. Братство было создано год назад, на прошлой Сретенской встрече Содружества. Первые члены братства «Трезвение» полгода назад принесли обеты, содержащие в себе полный отказ от спиртного и наркотиков, знание наизусть основных литургических молитв, двухразовое питание и молитвенное правило по благословленному духовником чину. В этом году на Сретение при молитвенном участии всего Содружества к ним присоединились еще 25 человек.

(продолжение темы на стр. 6-7)

ДЕНЬ МОЛОДЕЖИ МОЖНО ОТМЕТИТЬ ПО-РАЗНОМУ

26 - 27 февраля члены молодежного движения Преображенского содружества малых братств провели выездную встречу, посвященную празднованию Дня православной молодежи. Праздник прошел в общении друг с другом, с местным храмом, с членами Воскресенского братства, с домом Содружества, который от "скелетообразного" состояния все более переходит к человекообразному ...

Встреча началась с утрени в электричке. С 9 до начала второго все работали, вытаскивая строительный мусор и разгребая снег, а после обеда 25 человек (в т.ч. четверо руководителей) провели обсуждение темы "Что такое молодежное движение сегодня и кто мы в нем?". Обсуждению предшествовала информация ответственного за молодежное направление в ДЮЦ СМБ А.М. Копировского о проведении Дня православной молодежи на официальном уровне. В Белгороде это были: межрегиональная акция "С верой в Отечество" (!), конкурс (!!!) студенческих плакатов на тему "Мой путь к Богу", концерты и молебны в храме-автомобиле; в Москве, в гостинице "Даниловская" — конференция о проблемах современной молодежи в рамках православного молодежного лагеря "Феодоровский городок", который продолжил тему в подмосковной Рузе (см. сайт "Благовест-инфо" от 16 февраля). Проблемы молодежи предлагалось решить через привлечение ее в Церковь, т.е. через миссию. Отмечалась, в частности, большая роль в этом новых государственных праздников, типа 4 ноября, и даже "экстремальных проектов", вроде православного покорения Эльбруса, велопробегов от монастыря к монастырю и т.п.

Также для расширения кругозора нашей молодежи прозвучало сообщение о реализации мега-проекта "Школа толерантности" (на всякий случай: tolerance - "терпимость"), который для профилактики экстремизма и воспитания толерантности среди детей и молодежи предлагает им принять как норму существование не только национальных и религиозных, но и сексуальных меньшинств. Проект охватывает 50 регионов России и проходит в рамках президентской программы "Дети России" и федеральной целевой программы "Молодежь России".

Еще, по сообщению в Интернете, День православной молодежи был ярко отмечен членами православного братства Благовещения при одноименном храме в Петровском парке, которые с благословения его настоятеля прот. Дмитрия Смирнова разгромили т. наз. "Центр русской духовности", принадлежащий секте "богородичников". Они разбили "неправильную" статую Божией Матери, побросали на пол сектантские иконы, порвали книги и немножко побили работавшего там религиоведа, профессора РГУ И.Я. Канторова, — все во славу Божию и в честь праздника Сретения Господня.

Переварив полученные сведения, участники молодежного выезда прослушали сообщение старосты группы старших скаутов Дмитрия Сегалю от Русском Студенческом Христианском Движении (РСХД) как наиболее известном и духовно-плодотворном молодежном движении в истории православия. Докладчик подробно рассмотрел и прокомментировал доклад Н.А. Струве об РСХД как пророческом движении и его основной тезис об огромной роли молодежных движений для возрождения полноты церковной жизни.

(продолжение на стр. 9)

МЕСТО СВОБОДНОГО ДИАЛОГА

19 февраля 2005 г. в Москве в Свято-Филаретовском православно-христианском институте (СФИ) прошла XI ежегодная студенческая научная конференция «Сретенские чтения»

На этих конференциях институт традиционно представляет наиболее интересные студенческие исследования, выполненные в ходе обучения, а также выпускные работы, нередко выступают и преподаватели. В последние годы СФИ начал также приглашать к участию другие богословские и гуманитарные вузы. В этом году «Сретенские чтения» стали местом научного общения между студентами и аспирантами близких специальностей из шести учебных заведений столицы.

Помимо СФИ, на конференции были представлены Российский православный университет св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова (РПУ), Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Институт философии, теологии и истории св. Фомы Аквинского (ИФТИ), Библейско-богословский институт св. апостола Андрея (ББИ), НИИ этнологии и антропологии РАН. Впервые конференция носила межконфессиональный характер, вместе с православными в ней участвовали католики и протестанты. Открывая конференцию, ректор СФИ проф.-свещ.

Георгий Кочетков отметил, что сегодня институт реально является площадкой свободного диалога между представителями различных групп, конфессий, религий, между верующими и неверующими. В рамках конференции состоялось пленарное заседание, а затем работали пять секций по кафедрам института.

На секции кафедры миссиологии, катехетики и гомилетики часть выступлений была посвящена истории миссии и катехизации, а другие — проблемам, существующим в этой сфере сегодня. В докладе Марии Дикаревой «Современные представления о катехизации на основании анализа катехизиса митр. Филарета (Дроздова) и других катехизисов» было показано, что существующие катехизисы, как правило, составлены вне связи с делом катехизации и поэтому они не ориентированы на ее реальные задачи, а представляют собой просто комментарии к Символу веры. Владимир Якунцев в своем выступлении («Системы катехизации на территории бывшего СССР: православие, католицизм, протестантизм») анализировал существующие современные подходы к оглашению.

При обсуждении докладов основной акцент был сделан на критериях оценки результатов катехизации.

На секции кафедры богословских дисциплин и литургической особое внимание привлекло сообщение Екатерины Степановой «Молитвенное правило общины (братства)», в котором сравнивалась молитвенная и литургическая практика православных братств конца XIX — XX века.

На секции кафедры истории церкви выступления были

посвящены новейшей русской церковной истории. Зав. кафедрой д. и. н. Ольга Юрьевна Васильева представила доклад на тему «Иорданская духовная миссия: от прошлого к настоящему». Большой интерес и дискуссию вызвал доклад Марины Наумовой «Происхождение принципа права в церкви», где обсуждалось место права в церкви, проблема бесправия и церковного суда.

Работа секции кафедры философии и гуманитарных дисциплин проходила в форме се-

минара «Христианин в современном обществе», где был поставлен вопрос: что означает открытость и ответственность христианина по отношению к обществу, культуре и государству. Выступающие обращались к творчеству Вл. Соловьева, Н.А. Бердяева, Д. Бонхёффера и др. Актуально прозвучало сообщение Кирилла Мозгова на тему «Философская критика религиозного фундаментализма (по работам И. Канта и П. Рикера)».

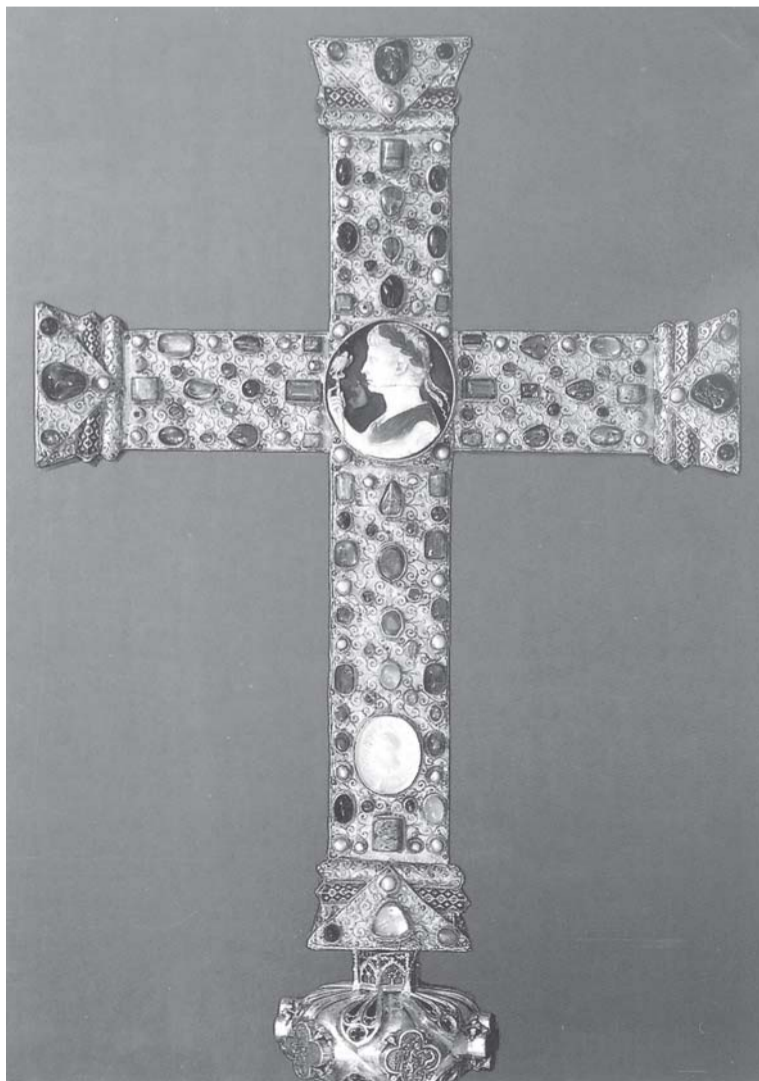
При значительном разнообразии тем выступлений участники семинара обнаружили определенное единство в постановке проблем и поиске подходов к их решению.

Многие доклады по кафедре Священного писания, которая традиционно представляет работы первокурсников, отличались высоким академическим уровнем и были по-настоящему интересны, например, «Значение Иерусалимского храма для первых христиан» Анны Дмитренко и «Молитва в жизни ранней церкви по книге Деяний апостолов» Анны Коваленко.

Всего на конференции «Сретенские чтения» прозвучало 47 докладов, в ней участвовало более 140 человек.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРИНЦИПА ПРАВА В ЦЕРКВИ

Тезисы к выступлению на «Сретенских чтениях»

Двусторонний Лотарингский крест с изображением императора Августа, 990-е гг. Аахен

В ранний период христианства каждая церковная община была Церковью во всей полноте и целостности. Она, будучи Телом Христовым, повиновалась только Христу как своему Главе. В церковной общине не имела решающего значения воля человеческая: ни воля председателя, ни воля самой общины, а только воля Божия, которая открывалась пророчески одаренными лицами. Такое откровение всегда испытывалось в церковной общине, и этим даром испытания, различения духов объясняется участие общины во всех церковных делах в древней Церкви, в том числе в поставлении на служения, разнообразием которых (а также обилием даров Святого Духа) отмечается ранний период церковной истории.

Церковные общины, обладая качествами полноты и целостности, самостоятельности и уникальности, устремлялись к союзу любви, служа каждая тем даром, который получила. Однако, как писал отец Николай Афанасьев, «в церковной жизни апостольских времен бесценно дорог не самый строй этой жизни, а то, что через этот строй церковная жизнь почти полностью, исключительным образом воплотила догматическое учение о Церкви».

Но уже с середины II в. принцип права постепенно и незаметно становится первенствующим в церкви. Внутрен-

ними причинами этого положения стало угасание в церкви любви и эсхатологического ожидания, что выявилось в нравственных падениях христиан и формализации их церковной жизни, в желании устроиться в мире сем и поверить в осуществление Царства Божьего на земле. Эти искушения на протяжении всей истории поместные церкви будут пытаться разрешить через укрепление власти и дисциплины в них. С другой стороны, процессы сближения церкви и государства и тем более появления христианской империи, привели к тому, что главный и единственный принцип устройства Римской империи («*рэх готана*» — римское право) проникает в церковь, а впоследствии и становится организующим ее принципом, заменяя собой церковные начала. Христиане принимают «*кесаря* как царя града Божьего на земле, забыв о том, что христиане не имеют пребывающего града, а взыскуют грядущего» (отец Николай Афанасьев «Церковь Духа Святого»). В связи с этими изменениями гарантом единства местной Церкви становится епископ, который становится над церковным собранием, вбирая постепенно в себя всю полноту власти и служений. При этом происходит постепенное разрушение учения о служениях в Церкви и вытесняется роль церковного собрания.

В настоящий момент в основе устройства поместной церкви лежит идея права: правовое подчинение отдельных ее частей высшей церковной власти, которая формально принадлежит Поместному собору, но на деле осуществляется собранием епископов. Местные церкви находятся в полном подчинении центральным органам (например, Священному Синоду) и сообщаются друг с другом только через них. Вся полнота власти — судебной, исполнительной, а также харизматической и пастырской — принадлежит епископу. Отношения между поместными церквями не характеризуются устремленностью к единству, а носят вполне правовой характер, так как базируются не на доверии и любви, а на признании (или непризнании) автономного существования другой поместной церкви.

Но Церковь не может думать и «об отказе от благодати, так как такой отказ означал бы отрицание самой себя», она не может забыть то, что рождена и устроена благодатным действием Духа Святого, что Ее служение в том, чтобы весь мир стал Церковью, а не сама Она стала одним из социально-правовых институтов, действующих в мире сем — в этом суть догматического учения о Ней.

Марина НАУМОВА,
IV курс СФИ

ЗНАЧЕНИЕ ИЕРУСАЛИМСКОГО ХРАМА ДЛЯ ПЕРВЫХ ХРИСТИАН

Доклад на "Сретенских чтениях"

Какое место занимал Иерусалимский храм в жизни первых христиан?

Надо ли было им придерживаться традиционных для иудеев типов богослужений или можно было, не боясь разрыва с традицией, всецело довериться Духу в созидании новых форм? Как возникли эти новые формы богослужений? Что пришло на смену храму?

Первая христианская община и Иерусалимский храм

Первые христиане были иудеями. В рассказе Луки о числе народов, присутствовавших на Пятидесятнице, говорится, что все они были "иудеи и прозелиты" (Деян 2:10). Хотя они верили, что Иисус — Мессия и воскрес из мертвых, по положению и взглядам они оставались иудеями. Это было небольшое тайное мессиаическое собрание, эсхатологическая секта в иудаизме. Но во всем, что было существенным для иудаизма, они по-прежнему думали и действовали как иудеи. Книга Деяний характеризует большинство иерусалимских верующих как "ревнителей закона", в частности, обрезания и соблюдения "обычаев" (Деян 10:45; 15:1; 21:23-30). Многие присоединились к христианам, оставаясь при этом фарисеями (Деян 15:5; 21:20). Именно по этой причине иерусалимских верующих так потряс эпизод с Корнилием: им и в голову не приходило, что вера в Иисуса может упразднить закон очищения (Деян 10:14, 45; 11:2-3). Они, видимо, не отказывались от посещения Храма, молясь там каждый день в определенные часы (Деян 2:46; 3:1). День у иудеев начинался в шесть часов утра и заканчивался в шесть вечера. Набожный иудей молился трижды: в девять часов утра, в двенадцать, и три часа дня. Первые христиане собирались в храме регулярно — и для того, чтобы взаимно поддерживать друг друга, и для того, чтобы учить и благовествовать (Деян 5:12, 20-21, 25, 42). Рассказ Луки о самом раннем периоде жизни новой общины заканчивается сообщением о том, что они не отлучались из Иерусалима, а храм по-прежнему играл для них важнейшую роль (Деян 5:42). Более того, поскольку предание сохранило слова Иисуса о жертве (Мф 5:23-24), для первых христиан они, видимо, еще имели значение — христиане продолжали приносить, согласно традиции, жертвы. Книга Деяний Апостольских повествует, что Павел, по просьбе Иакова, принял кривое участие в жертвоприношении (Деян 21:24).

Вера первых христиан в близость второго пришествия Иисуса, Сына Человеческого, Мессии и Господа, видимо, не выходила за рамки иудейских эсхатологических чаяний. Возможно, это было основной причиной их тесной привязанности к Иерусалиму и сосредоточенности вокруг храма, ибо, как ясно следует из книги пророка Малахии, который говорит, что "...внезапно придет в храм Свой Господь..." (Мал 3:1), храм играет важнейшую роль в грядущем завершении. Предание, сохранившее слова Иисуса о разрушении и восстановлении храма, с очевидностью свидетельствует: первые христиане уповали на обновленное служение в эсхатологическом храме. Это объясняет и тот факт, почему

первоначальная иерусалимская община мало думала о распространении Евангелия между язычниками за пределами Иерусалима. Если они и думали о язычниках, то, видимо, в рамках давних чаяний о том, как в новом веке язычники (в качестве эсхатологических прозелитов) соберутся вместе с иудеями диаспоры к горе Сион для поклонения Богу (Пс 21:28; Ис 2:2-3).

Вполне вероятно, что воспитанные в иудаизме диаспоры эллинисты с самого начала более открыто понимали Евангелие и его проповедь. Это подкрепляется тем отношением к храму, которое в 6 и 7 главах книги Деяний приписано Стефану. Стефан был привлечен к суду Синедриона по обвинению в хуле на храм и на Закон. Большая речь, которую он произнес в свою защиту, — не просто описание истории Израиля, не имеющее прямого отношения к ситуации. В ней есть тонкий подтекст, достигающий кульминации в открытых нападках на храм. Вспоминая времена от Моисея до Соломона, Стефан показывает контраст между скинией и храмом, напоминает об отступничестве народа, начиная с отвержения Израилем Моисея ради поклонения золотому тельцу (Деян 7:39-41), через идолопоклонническое служение воинству небесному, которое привело к вавилонскому плену (Деян 7:42-43), к вершине — настоящему идолослужению в храме (Деян 7:48-49). Наиболее поразительная черта данной речи — в открытом выступлении против храма. Ключевое слово в описании храма Стефаном — "рукотворенный". Греческие мыслители использовали это слово для критики идолопоклонства. Более важно, что его использовали эллинизированные иудеи для осуждения язычества — со времен Септуагинты оно обозначало как сам идол, так и иудейское осуждение идолопоклонства. Но Стефан называет так Иерусалимский храм — называет храм идолом! — и усиливает хулу, приводя слова пророка Исая (Ис 66:1-2), один из немногих ветхозаветных отрывков, которые могут быть использованы для отвержения храма (Деян 7:49-50). Обвинение против Стефана (Деян 6:14) ясно перекликается с высказываниями, приписываемыми лжесвидетелями Иисусу в Евангелии от Марка (Мк 14:58), а также Самому Иисусу в Евангелии от Иоанна (Ин 2:19). Можно предположить, что на взгляды Стефана на храм повлияли именно эти предания об Иисусе.

Воззрения Стефана, видимо, привели к открытому расколу в первоначальной христианской общине. И наметившееся расхождение (Деян 6:1) вылилось теперь в более ясное и четкое разделение. Глубину его мы видим из рассказа о суде над Стефаном и его смерти.

Итак, по-видимому, первоначальная община никоим образом не считала себя новой, отличной от иудаизма религией. Ее члены не ощущали разницы между собой и близкими иудеями. Они просто рассматривали себя как исполнение иудаизма, начало эсхатологического Израиля. Отметим, что именно с этой группы началось собственно христианство. От большинства остальных иудеев их отличала только вера в Воскресшего Мессию Иисуса, а также

близость последних дней. Однако, первоначальная община включала две довольно отличные друг от друга группы: евреев и эллинистов. Видно, что одни держались традиции, а другие в свете меняющихся обстоятельств были к ней равнодушны. Поэтому одни продолжали придавать храму и Закону центральное значение, а другие, не оспаривая значение Закона, уже отрицали его обязательность.

Отметим также, что христиане не имели сложного культа в смысле иудейства, и самая мысль о храмах как отдельных специальных зданиях им, по-видимому, была чужда. Христианские апологеты подчеркивали, что христиане не имеют храмов, а имеют лишь "места собраний". И принципиальное отличие этих мест собраний от иудейского храма заключалось в том, что они были предназначены

евреям из стран диаспоры читать Септуагинту — греческий перевод Библии, широко распространенный в христианской среде. Вероятно, в эти же годы произошло отлучение от иудаизма иудеохристиан, еще продолжавших посещать синагоги.

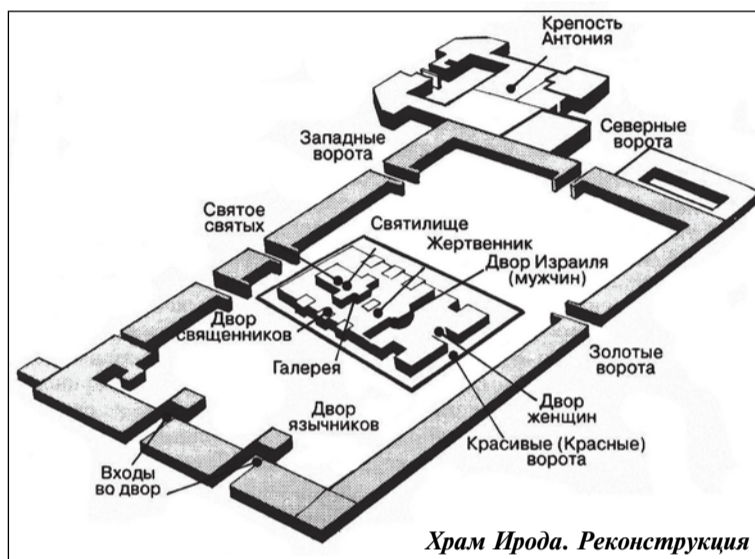
Заключение и выводы

Итак, из Евангелий и Деяний Апостольских можно с несомненностью заключить, что Сам Христос и Его ученики не только не отвергли храма, но регулярно принимали участие в традиционном богослужении. Не случайно именно с храмом, с ревностью о нем, связан единственный "резкий" поступок в жизни Христа: бичевание и изгнание торгующих. Христос соблюдал религиозные предписания закона, признавал богоустановленное священство, субботу, праздники. Деяния со своей стороны подчеркивают верность иерусалимских христиан традиционному еврейскому культу. До гонения, воздвигнутого на них Синедрином, Апостолы и все "пребывающие в их учении" продолжают молиться в храме, соблюдают установленные часы молитвы и праздники. Верность их иудейскому культу, которая в Иерусалиме продержится до катастрофы 66г., столь для них самоочевидна, что они могут назвать себя "ревнителями Закона" (Деян 21:20) и, принимая во внимание вражду к ним со стороны официальных вождей иудейства, знаменательно отсутствие среди обвинений против них пункта о пренебрежении ими культового закона.

Но столь же определенно через весь Новый Завет проходит и другой мотив. Старому традиционному культу Христос противопоставляет новый — "в Духе и Истине" (Ин 4:23-24). Религиозная община, которую Он составляет со Своими учениками, объединена не только Его учением, но имеет и свое "молитвенное правило" (Лк 11:1), и свои культовые собрания. Так же и в Деяниях Апостольских, помимо участия в традиционном богослужении, христиане имеют свое, уже исключительно христианское богослужение. Это — крещение, евхаристическое преломление хлеба, общая молитва. Больше того — именно этим богослужением они внешне и отделились от прочих иудеев. И если по своим внешним формам это самостоятельное христианское богослужение несомненно восходит к определенным еврейским "прототипам", никто не станет отрицать его столь же несомненной новизны по отношению к культу храма и синагоги.

Участие первых христиан в традиционном иудейском культе никак нельзя толковать как результат какой-то инерции, которая будет ослабевать по мере осознания ими своей веры. Для них это участие в богослужении Израиля только теперь приобретает весь смысл, точно так же, как и Священное писание только в Мессии раскрывается во всем своем значении: "Исследуйте Писания...ибо они свидетельствуют о Мне", — говорит Христос в Евангелии от Иоанна (Ин 5:39). Этот принцип применим и к богослужению, ибо вся богоустановленная жизнь Израиля осмысливается своим исполнением и обновлением в Мессии.

Анна ДМИТРЕНКО,
II курс СФИ

Храм Ирода. Реконструкция

Возникновение христианского богослужения

И все же, бывая в Храме, христиане участвовали в богослужении, которое не могло уже вполне удовлетворять их и по существу было недостаточно. Книга Деяний Апостольских повествует о том, что христиане в храме держались обособленно от иудеев (Деян 5:12-13), из которых многие невольно преклонялись перед ними, но опасались открыто присоединиться к ним. На обширных дворах храма христиане избрали себе самое уединенное и удаленное от центра место — портик, тянувшийся вдоль наружной восточной стены храмового двора и приходившийся таким образом во двор язычников. Свое и вместе с тем настоящее богослужение они могли иметь теперь только "по домам", совершать его то в одном, то в другом христианском доме (Деян 2:46, 5:42, 12:12). По книге Деяний нам известны некоторые элементы таких собраний: это молитва (Деян 1:14, 2:42, 4:23-31, 12:12), учение, то есть, вероятно, изучение и истолкование Писаний (Ветхого Завета) и преданий об Иисусе (Деян 2:42, 5:42), а также совместные трапезы (Деян 2:42, 46). Нет никаких признаков существования уже в то время сколько-нибудь упорядоченной структуры богослужения. Похоже, однако, что были, по крайней мере, два вида собраний: одно заключалось в молитве и чтении и напоминало синагогальные службы, другое же представляло собой братскую трапезу, достаточно спонтанную, и могло включать такие элементы, как пение и т.д.

Новые типы богослужения восходили к иудейской традиции. Так, в храме "жертва вечерняя" (Пс 140:2; Исх 30:8) была священное утренней и торжественное ее (вспомним возжжение светильников). Первоначально и в христианстве вечер считался самой святой и молитвенной частью дня, к которой приурочивалась самая торжественная служба.

для таких богослужебных собраний, на которых предполагалось присутствие в одном помещении и непосредственное участие в молитве и священнодействии всей общины — "царственного священства", а не только специально поставленных священников.

Можно сказать, что христианство внесло в богослужение такую близость к Богу и такое упование, о каких не мог иметь и представление ветхозаветный храм.

Разделение христиан и иудеев

Итак, мы видим, что некоторое время как храмовое, так и домашнее богослужение существовали бок о бок без всякого взаимного напряжения.

Иудейская война 66-70гг. положила этому конец. Эти трагические годы означают собой начало разрыва между иудеями и христианами. В преддверии неминуемой катастрофы христиане уклонялись от участия в войне, покинули Святой город и обосновались в Пелле за Иорданом. Иерусалимская иудейская община, поднявшаяся против римских захватчиков, была раздвинута, Иерусалим занят римскими войсками, а тысячи иудеев после героической борьбы в условиях тяжелой осады были уничтожены.

Храм был разрушен и сожжен. Для иудеев разрушение храма имело значение религиозной катастрофы. Его неизбежным последствием для иудеохристиан было освобождение от Закона. Мы встречаемся с этой мыслью у составителя послания к Евреям. Катастрофа иудейства надвигалась. Разрушение храма было близко, и автор старался показать членам Иерусалимской Церкви, что домостроительству Ветхого Завета с Храмом и Законом пришел конец.

До конца непонятно, как произошло разделение христиан и синагоги. Известно, что около 90 г. иудейский Собор в Явне, по существу, формально закрепил этот разрыв, запретив

Свящ. Георгий Кочетков: У нас давно не было отдельного, специального разговора о миссии — со времени конференции 1996 г., которая называлась «Миссия Церкви». Это была интересная, хорошая конференция, но чувствовалось, что для нас с вами в то время этот вопрос был ещё в большой степени как бы академический, или исторический, или общеэклизиологический. В церкви должна быть миссия, и мы это всегда понимали. Но в последнее время стало ясно, что для нас эта тема «созрела», причём это стало ясно с разных сторон. Нынешняя постановка вопроса о миссии существенно отличается от той, которую мы практиковали в прошлые годы. Сейчас важно то, что мало, слишком мало думать о миссии в прежних категориях.

Владимир Рыжиков: Действительно, жизнь ставит перед нами новые проблемы, которые волнуют не какое-то одно братство, а всё Содружество. Да, нельзя сказать, что миссии у нас нет, но в то же время мы понимаем, что практически во всех братствах есть проблемы с этим. Думаю, что пришло время обсуждать связанные с этим вопросы:

- Каковы задачи миссии сегодня, куда мы зовём людей?
- Проблемы церковного фундаментализма.
- Какие перемены в обществе, в людях мы видим сегодня?
- Особенности миссии в секулярном обществе.
- Что не может быть задачей миссии сегодня, куда не надо звать?
- На какие вопросы отвечать не надо?
- Готовы ли мы всерьёз изменить свою позицию во время миссии? Если да, то до какой степени?
- Миссия и диалог — это одно и то же?

Виктор Котт:

Может показаться неясным с первого взгляда, почему тема миссии связана с темой фундаментализма. Но это не праздный вопрос, потому что фундаментализм — это одна из главных проблем в

жизни нашей церкви, которая блокирует миссию. Мне хотелось бы немного поразмышлять вслух о том, как миссия и фундаментализм сопряжены именно в нашей жизни. Потому что легко сказать, что есть некий фундаментализм, некоторая контрмиссия в нашей церкви, которая, конечно же, не красит нашу церковную жизнь. Мы можем вспомнить слова архимандрита Киприана (Керна) о том, что такая миссия оскверняет Евангелие (он говорил это в связи с тем, что в контрмиссии используются, например, государственные силы). Но наша задача сейчас — не рассуждать о том, что в церкви делается хорошо или плохо. Наша задача — посмотреть, что мы сами можем сделать, какие опасности и проблемы мешают нашей миссии. Это вопрос практический, и чтобы найти на него ответ, мы, конечно, должны начать с себя.

Прежде всего надо сказать, что фундаментализм как дух — серьёзный враг миссии, потому что фундаментализм — это отсутствие общения, фундаментализм — это закрытость. Фундаментализм всегда связан с тем, что идеологизация каких-то сторон жизни становится центральной и определяет действия того или иного человека. Надо сказать, что фундаментализм кончается там, где начинается общение. Когда в нашем братстве переживался опыт гонений, приходилось разговаривать с людьми, которые настроены или научены таким вот фундаменталистским образом, и оказывалось, что фундаментализм рассеивается, как мираж, когда

МИССИЯ В СЕКУЛЯРНОМ И ФУНДАМЕНТАЛИСТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Материалы круглого стола, прошедшего в рамках Сретенской встречи Содружества малых братств 14 февраля 2005 г.

мы находим какой-то путь общения. Когда этим общением оказывается затронут экзистенциальный центр жизни человека, тогда возможен диалог, тогда возможно взаимное свидетельство, и слушание, и слышание. Когда этого нет, тогда ни миссия, ни общение невозможны.

Я хотел бы перечислить несколько проблем, которые мешают нам в братствах, как кажется, и это я предлагаю к обсуждению и какому-то предварительному осмыслению. Как известно, «от избытка сердца говорят уста». И конечно, нужно закончить наш разговор вопросом — а где взять этот избыток сердца, где взять это вдохновение? Понятно, что Господь даёт вдохновение на всякое служение — было бы у человека стремление служить Богу, быть действительно слугой Божиим. И «неслужащее» отношение иногда начинается в наших братствах ещё со времён оглашения, когда человек может войти в церковную жизнь вне всякого опыта служения, вне какого-то представления о служении, не будучи слугой Божиим (а мы знаем, что в Ветхом Завете для того, чтобы войти в народ Божий, нужно было — это первая заповедь Декалога! — чтобы Бог был именно Господом, а человек был Его слугой, не в смысле принадлежности, а в смысле служения, ведь слуга — это тот, кто служит).

Есть еще одна колоссальная проблема, препятствующая миссии, — это отсутствие внимания и внимательности к человеку. Иногда у нас не хватает интереса к самим себе, нет сил интересоваться своей жизнью, т.е. нет духовной жизни. Но если у христианина нет личной духовной жизни, тогда жизнь другого человека ему просто неинтересна, или интересна в очень малой степени. И тогда, конечно, миссия невозможна.

Мешает нам в нашем миссионерском делании и отсутствие интереса к миру. Я не говорю, что должно быть любопытство или любовь к миру в том смысле, в котором говорится: «Не любите мир и то, что в мире». Тот интерес к миру, о котором я говорю, связан с состраданием. Отождествление мира и зла невозможно для католической традиции, в том числе для католической миссии. Дело в том, что всё, что в мире есть от Бога, должно быть к Богу приведено. Это касается и культуры, которая совершенно не обязательно должна быть антихристианской, и в этом смысле надо помнить слова Христа: «Кто не против вас, тот за вас». Известно, что некоторые святые люди, например, Косма Итальянский или отец Таврион, очень любили технику, они благодарили Бога, например, за то, что есть самолёт. Нектарий Оптинский благодарил Бога за граммофон, он с удовольствием слушал пластинки и считал, что это некий дар Божий человеку.

Но кроме этого внутреннего интереса к миру, надо ещё говорить об отсутствии в нас сострадания к миру и сострадания к человеку. Понятно, что если наши глаза удержаны, если наше сердце тёплое или холодное, то, конечно, никакого сострадания ни к миру, ни к человеку не будет. Для католической миссиологии очень важен вопрос, который заключается в том, что христиане не спасаются без этого мира, и без человека не спасаются, т.е. невозможно христианам кинуть этот мир,

уйти из него. И последнее, что я хотел сказать: миссионеру важно быть очень внимательным к действию Духа Божия, чтобы Господь мог действовать свободно в нас и через нас. Тогда только и возможно общение. Вот это пространство Духа и пространство свободы и есть пространство миссии.

Фундаментализм кончается там, где начинается общение

Владимир Рыжиков: Братья и сёстры, здесь пришла записка о состоянии общества:

«Острота восприятия жизни по сравнению с концом 80-х и 90-х годов упала. Общественно-политическая ситуация сейчас — состояние «болота», что затрудняет миссию и катехизацию. Андрей Пашков из Гомеля».

Дмитрий Гасак:

Говоря о том, какие перемены в обществе, в людях мы видим сегодня, я хотел бы здесь сказать об одном моменте, с которым нам пришлось столкнуться непосредственно по мере того, как мы ведём разного рода диалоги с чиновниками по

поводу наших домов на Покровке и в Богоявленском. В обществе провозглашено, что церковь на сегодняшний день у нас отделена от государства. Но при этом сознание и у государственных, и у церковных чиновников в этом смысле совершенно особое. Недавно, скажем, в интервью одному из западных журналов владыка Евгений Верейский (а он является председателем учебного комитета и ректором Московской духовной академии и семинарии) сказал относительно отделения церкви от государства, что спорт тоже отделён от государства, но тем не менее государство финансирует спорт — что ему мешает финансировать церковь?

На сегодняшний день, действительно, есть доверие к Русской православной церкви со стороны чиновников разного ранга и вообще населения, но это доверие к структуре. Люди, которые абсолютно ничего не понимают ни в церковных делах, ни в духовной жизни, почти сразу спрашивают нас о благословении. То есть внешние люди готовы иметь с тобой дело и разговаривать, если ты имеешь явные для них признаки принадлежности к официальной структуре, к системе. Тогда можно вести разговор более или менее в одних понятиях. Но если ты начинаешь говорить не о структуре, а о вопросах духовной жизни, то люди оказываются не готовы на эту тему говорить, более того, тут же выражают подозрение, что ты сектант. И мне кажется, что сейчас, хотя нет официальных го-

нений, мы сталкиваемся с той же проблемой, которая была в конце XIX — начале XX века, когда вставал вопрос о непосредственной связи вопросов церкви и веры, вопросов христианства с вопросами жизни.

В последнее время я стал задумываться над тем, как представлять, допустим, наше братство, наше движение, как говорить людям о духовной жизни, поясняя, кто мы такие, какова наша жизнь, чего мы хотим не только для себя, но и для церкви, и для общества. И я столкнулся с тем, что не вполне владею языком, который понятен людям, и что этот язык необходимо искать. Сейчас при каждой встрече приходится думать, с кем ты встречаешься, что и как говорить. Люди реагируют на какие-то слова: скажем, воскресная школа — это православно, а если братство — что-то подозрительное. Это во многом результат антисектантской пропаганды. Все напуганы сектами, и это реальность, которую лично я недооценивал.

Владимир Якуцев:

Я тоже хотел сказать о нескольких вещах. Дело в том, что, действительно, сейчас в России, и не только в России, происходят определённые изменения, в частности, в концепции национальной безопасности России фигурирует термин «духовная безопасность», и надо это знать. Существуют уже целые отделы, создаются определённые структуры, при представителях президента в округах создаются комиссии по духовной безопасности, туда входят официальные представители официальных религий. Именно они принимают решения по поводу того, что опасно и что безопасно для народа. Последние Рождественские чтения показали очень ярко, что епископы, в частности, те, которые отвечают за миссию в православной церкви, считают, что миссионерское поле церкви — это именно российский народ. Интересно, что самым важным орудием против всяких сектантов и всего прочего выбрано просвещение, т.е. мы теперь должны катехизировать. С одной стороны это знакомо и как-то даже понятно, иногда даже можно обрадоваться таким словам. Но это существует на том фоне, что самое главное оружие для воплощения духовной безопасности — это как раз всех «обмиссионировать», огласить, просветить, а кто не будет согласен — Сибирь бошая. Многого говорит о том, что будет завтра и послезавтра.

Еще я хотел бы сказать о секуляризме и фундаментализме. Мир, в котором мы живём, выработал уже определённое отношение к христианству. Мы часто удивляемся, почему люди могут слышать о Христе, о Евангелии, о многом другом, но это может совершенно не изменять их жизнь. Почему? Всё это имеет глубокие корни. Я бы рекомендовал всем почитать серьёзные размышления об этом о. Александра Шмемана, которые особенно ярко и очень компактно выражены в его знаменитой статье «Богослужение в секулярный век», опубликованной в одном из номеров журнала «Православная община» (№27, 1995г.). О. Александр там открытым текстом говорит о том, что и секуляризм, и фундаментализм — это вещи, проистекающие из одного корня, и мы должны понимать, что живём сейчас не просто в нехристианском обществе, а в антихристианском, т.е. в обществе, которое уже успело выработать определённый, условно говоря, иммунитет к христианству. Не разобравшись в этих вещах, можно очень много времени потратить впустую, потому что эти ереси — фундаментализм и секуляризм — связаны не с отрицанием существования Бога, а, как пи-

сал о. Александр, с отрицанием библейского откровения о человеке, т.е. это антропологические ереси. Почему ересь всегда в церкви считалась грехом? Потому что не случайно какой-то человек становится еретиком всерьёз, за этим всегда стоит внутренняя позиция. Ересь помогает человеку скрыться от Бога, от простоты и целостности христианской жизни.

Тут меня попросили прочитать записку, сказав, что она отражает некоторые связанные с моим словом моменты:

«Миссия в Азии и в Африке так успешна оттого, что Евангелие действительно является для них новой вестью. Потрясающая новизна слов Христа, радикализм Его учения сразу входят в сознание и сердца. Новообращённые сразу стремятся поделиться новой Радостной Вестью со всеми, кого знают, и приводят в Церковь своих друзей, родных. В нашем обществе практически у всех людей уже есть своё мнение о Христе и Церкви. Стереотипы восприятия христианства как чего-то привычного, традиционного, национального мешают принять Божью весть в её целостности. И задача миссионера видится вначале именно в борьбе с этими стереотипами, привычками восприятия. Миссия становится «штучной», личной, а не массовой. Важен личный пример, показ нового образа жизни и мысли. Чтобы это новое показать, нужно его иметь. Если показать нечего, то и миссия неуспешна, и миссионеров нет или их очень мало. Наталия, Камышин».

Да, действительно это так. Я полностью согласен с этой мыслью. Хочу лишь сказать, что эти стереотипы имеют довольно глубокие корни, потому что мы сталкиваемся не просто с навыками и стереотипами, а именно с другой верой, которая имеет свои серьёзные опоры.

Владимир Рыжиков: Ещё одна записка: «Очень хочется вспомнить С. С. Авринцева и его статью «Будущее христианства в Европе». Язык христианства — всегда язык другого. Чтобы говорить на языке другого, надо знать те понятия, которые современные люди употребляют чаще всего и понимают без перевода. Миссия не может навязывать человеку новый неизвестный язык».

С этим трудно не согласиться.

Игорь Корпусов:

Я хотел бы буквально несколько штрихов добавить к тому, что было сказано. Я преподаватель в университете, и мне приходится читать курс, в котором есть раздел «география религии». Перед этим курсом я всегда задаю вопрос студентам: какие темы им больше всего нравятся из заявленных? Так вот, все эти годы тема о религии безусловно лидировала до последних одного-двух лет. Сейчас её популярность совершенно явно идёт на снижение. Более того, я вижу, как в молодых людях уже появляются по отношению к религии такие слова, которых я не помню со времён Советского Союза и не слышал, наверное, лет пятнадцать. И что интересно, среди молодёжи часто встречаются сочетания совершенно невообразимые.

Я веду клуб «Диалог», который ориентирован на наших студентов. Приходит студент с явно консервативными традиционалистскими взглядами — национальное возрождение и т.п. В ходе беседы он, например, говорит: «А почему Вы так возражаете против однополых браков? Это же любовь, пусть любит друг друга». Я не могу представить себе классического консерватора, который бы высказывал такие идеи. Он и традиционалист-фундаменталист, и модернист одновременно. И в нём это всё сочетается!

Есть ещё один момент, связанный с тем, что говорил Виктор о служении. Об этом в наше время говорить людям, конечно, принципиально сложно, потому что они живут в обществе, которое ориентировано на потребление, т.е. на нечто противоположное. И, скажем, когда речь идёт о современной молодёжи, они скажут: «А что нам за это будет? А сколько нам за это заплатят?» и т.д. В обществе окрепла позиция, которая чем-то совершенно принципиально отличается от служения.

Теперь немного о языке. Действительно, сейчас люди говорят на совершенно ином языке, иногда очень многое им непонятно. Я был свидетелем того, как один монах выступал перед молодёжной аудиторией и пугал её Страшным судом, чертами и прочим и звал к покаянию. Молодые люди, сидевшие передо мной, ну разве что не высказывались нецензурно; они и высмеяли его, и были на него крайне рассержены. Правда, был какой-то внешний пиетет, они не сказали вслух всего того, что о нём думают, но между собой всё достаточно чётко определили.

С другой стороны, я встречал в нашей тверской епархии священника, который всерьёз говорит о том, что, например, недавно очень популярный среди молодёжи фильм «Матрица» — совершенно христианский фильм. Когда я поинтересовался: «Как же так, батюшка?» — он сказал: «Может быть, это единственный язык, который доступен нашей духовно искалеченной молодёжи». Он говорил это с неподдельной болью. Мысль парадоксальная, конечно, но по опыту общения с молодыми людьми кажется, что наиболее продуктивный путь — это говорить с ними о вещах внешне светских, на их языке, но пытаться вкладывать в это христианский смысл. Можно говорить о браке по-христиански, можно говорить о работе по-христиански — это их интересует, о чём угодно, но нельзя категорически начинать сразу же с каких-то таких «религиозных» вещей, с чертой уж точно не надо.

Я думаю, что миссионер должен учиться видеть в людях за какими-то внешними вещами более глубокие. Вот у нас на работе есть два молодых человека, и о нашем братстве, которое периодически собирается там, на работе, они меня спрашивают: «Ну как там ваша тусовка?» Меня от этого сначала как-то немножко передёрнуло, а потом я понял, что для них это просто привычный язык, они не вкладывают в это что-то отрицательное. Я говорю: «Хорошо, оттусовались, замечательно». И они так сразу заинтересовались, что я сейчас даже жалею, что на сказал: «Приходите, вместе потусуемся, будет хорошо, очень даже». Наверное, если бы я обиделся и начал говорить какие-то серьёзные вещи, их отчитывая, это не привело бы ни к какому положительному результату, а скорее бы наоборот. Я думаю, что надо находить какой-то язык, который внешне нам, может быть, даже кажется чуть-чуть вульгарным — но таково состояние общества.

Кроме того, по опыту нашего клуба «Диалог» у меня возникает ощущение, что, может быть, одна из миссий церкви — это не только привести собственно ко Христу, а вообще привести людей просто в нормальное человеческое состояние. Потому что зачастую люди, особенно молодые, находятся в таком состоянии, что говорить о Христе сразу вообще невозможно. Надо просто какие-то культурные нормы восстановить, объяснить какие-то элементарные вещи, и тогда уже, с этих позиций, можно говорить о христианстве. То есть, возможно, одна из функций миссии — просветительская, которая является чисто приуготовительной.

Тут мне прислали вопрос: «Какая тема сейчас самая интересная вместо географии религии?»

Тема «география религии» не совсем ушла, она, как сейчас говорится, «в горячей десятке», но начинать уступать вещам, связанным с социально-экономическими и гуманитарными вопроса-

ми. Это вполне понятно. Знаете, один студент, когда я на лекции начал касаться этих вопросов, встал и сказал: «Даже не вздумайте об этом говорить, я никогда не пойду в вашу Церковь». Я его спросил: «Почему?» Он говорит: «Я живу в доме напротив винной лавки, и каждый вечер (он сказал — каждый вечер, но я не поверил) на джипе туда подъезжает батюшка и устремляется в винную лавку. Я с ним в одной церкви быть не хочу...»

Елена Скоробогач: Возвращаясь к вопросу о диалоге и миссии, я просто не могу немного не сказать о своем опыте, поскольку мне часто приходится встречаться со священниками московских храмов. Я занимаюсь распространением литературы. И мне хочется вам сказать, что люди ждут нас — они просто не знают, что у нас есть такой опыт, они часто знают о нас какую-то ложь. Когда я прихожу в храм, прежде чем подойти к священнику, я просто бываю на службе, стою и молюсь. Никогда не знаешь, с чем встретишься. Конечно, у нас нет такого, чтобы убивали или что-то такое ещё делали, бояться не надо. И я хочу сказать, что это служение очень благодатное, оно настолько даёт силы, вдохновение, настолько меняет саму жизнь, что какие-то негативы покрываются тем, что ты несёшь. И когда я молюсь — я обычно бываю на вечерне — то чувствую, что иду не одна. Мало того, я чувствую всё наше братство, я чувствую вас. Когда миссионер идёт, он, поверьте, не один идёт, он не один в поле, он со Христом.

Ещё я хотела сказать, что нам необходимо осмыслить весь наш опыт. О. Георгий вчера правильно сказал, что мы не можем говорить о каких-то второстепенных вещах, что нам надо очень чётко научиться говорить о нашем опыте — что мы несём в церковь, что мы несём в мир. Иначе мы не выполним нашу миссию. Если я сначала говорю о братстве, мне сразу отвечают: «Братство — это секта». Я говорю: «А разве, поверьте, сможешь устоять один в этом мире? Ведь не сможешь. Поэтому мы вместе стоим, вместе-то легче». Потом можно говорить и о братстве — когда вы раскрыли суть, для чего мы собраны вместе. Тогда проблемы снимаются и с сектой.

Одна из миссий церкви — это не только привести ко Христу, а вообще привести людей в нормальное человеческое состояние

Некоторые священники прямо наотрез отказываются разговаривать: уйдите, вы такие-сякие — не хочу даже повторять. Поэтому, во-первых, нужны знания, чтобы уметь свидетельствовать. Во-вторых, когда просто свободно рассказываешь, говоришь о тех вещах, которые у нас есть внутри — и важных, и главных, — люди вдруг удивляются: «Как? А у нас тоже так. Так вот правда православные?» Я однажды взяла и просто спела тропарь женщине, которая говорила: «Не хочу вас даже знать, я уже слышала о Кочеткове, уйдите». А я стала рассказывать про музыку (я ведь педагог музыкальной школы), про школу, про детей. И говорю: «Дайте же вам прочитаю по-церковнославянски, у нас и церковнославянский учат». Она говорит: «Давайте, давайте», — так, делает вид, но не даёт. Тогда я взяла и спела им тропарь. Она говорит: «Теперь вижу, вы православные. Вы заходите, заходите. Вот, казалось

бы, мелочи... И мы расстались совершенно другими. Я сказала: «Скажите людям, что просто человека оклеветали, оклеветали нашего брата, а у нас то-то, то-то, то-то».

Когда говоришь, что мы хотим восстановить полноту церковной жизни, внутренне-то они понимают, они же тоже к этому призваны. Я говорю: давайте вместе делать это, вот у нас книги хорошие есть. После такого разговора уже не один священник заинтересовался.

Меня очень взволновали слова Владимира Якунцева, когда он сказал, что государство создаст структуры «духовной безопасности», ведь это может означать, что из-за чьей-то клеветы всё наше дело может подвергнуться не только очень большим гонениям, а вообще неизвестно, что может быть. Поэтому мне кажется, что нам нельзя просто сидеть и ждать. Я думаю, что если мы по разным церквям сможем вот так свидетельствовать, сможем какой-то наш опыт передавать, то тогда нас будут изнутри знать, и уже не скажут, что наше братство плохое, они скажут: «Это неправда, мало того, они такое дело делают!» Понимаете, бывает, что изнутри народ больше может сделать, чем там, наверху. (Аплодисменты).

Игорь Корпусов: Меня попросили ответить на такую записку: «Современное состояние молодёжи таково, что большинство не способно к диалогу, они не имеют такого опыта. Как мы должны создавать пространство диалога для молодёжи?»

Я боюсь отвечать: в зале много молодёжи, вдруг они будут смеяться. Но все-таки рискну. Во-первых, я не согласился бы с первой частью записки, что молодые люди совершенно не способны к диалогу. Я думаю, что, прежде всего, конечно, нужно иметь какое-то определённое отношение к ним. Вот я как преподаватель не видел молодых людей — даже, я бы так сказал, сильно испорченных — чья вина в этой испорченности преваляла бы. Они сами ещё молоды, они не успели ещё сделать вклад в свои изменения. Надо это понимать, надо относиться даже к этой, такой испорченной молодёжи, с очень большим сочувствием, понимая, что эти люди — это, в общем-то, продукт, может быть, крайнего разложения нашего общества. На них уж очень много как бы сконцентрировалось. К ним надо относиться — как вообще, наверное, к миссии, надо относиться — с предельным сочувствием и вниманием прежде всего.

И мне кажется, что этому поможет наша иноческая жизнь. Если мы сами будем жить иначе, то увидим какие-то вещи: как вообще люди страдают без Бога, прежде всего молодёжь. Очень страдают. Они вроде бы ищут эти ответы, им это всё интересно, но никто, например, в наших высших учебных заведениях не говорит им о простых вещах: как построить брак, как выбрать работу, как дружить, как жить так, чтобы тебя не предавали и самому не предавать. Ведь эти вопросы их интересуют, но никто на них не отвечает. Потребности, я вам скажу, у них колоссальные в этом диалоге. Они хотят слышать.

Другой вопрос — как с ними говорить. Совершенно нельзя, мне кажется, говорить неискренне, говорить какие-то искусственные вещи. Надо говорить то, что знаешь, то, во что веришь, потому что прежде всего их убеждает твоя собственная убеждённость и вера, а не какие-то логические доказательства, хотя и это важно, и этого важно достичь, но нужно с ними предельно не соглашаться, нужно их, знаете, так крепко взять, как говорится, — они нормально к этому относятся, мне кажется. Но какие-то искусственные, слащавые вещи делать нельзя совершенно. А всё остальное — дело техники: найти помещение, время, развесить объявления, позвать, ну, это уже технические вещи.

СВОБОДА – НЕПРЕМЕННОЕ УСЛОВИЕ КАЧЕСТВА ГАЗЕТЫ

Интервью Игоря Иванова, главного редактора
христианской православной газеты Севера России «Вера-Эском» (Сыктывкар)

Кифа: *Ваша газета, наверное, — одно из самых старых независимых православных изданий. Она выходит больше 10 лет.*

Игорь Иванов: В будущем году исполняется пятнадцать.

Кифа: *В чем секрет Вашего долголетия?*

Игорь Иванов: Наша ситуация, наверное, знакома всем журналистам. Не знаю, как в Москве, но в провинции невероятно сложно найти помощников, молодую поросль, которая могла бы подключиться к работе. Практически наш костяк сложился 10 лет назад. Много народу прошло через нашу редакцию, некоторые стали священниками, другие чем только ни занимаются после того, как поработали у нас. Кто-то стал профессиональным журналистом, но у нас не прибавилось ни одного творческого сотрудника. Мы держимся благодаря тому костяку, который был создан в начале 90-х. Видимо, в других условиях, например, сейчас его бы не удалось создать. Мы друг другу помогаем, у нас очень хороший коллектив.

Кифа: *Сколько вас и что представляет из себя этот костяк?*

Игорь Иванов: Штат газеты составляет 10 человек. Пишущих, т.е. творческих сотрудников — пять, включая меня, хотя вообще я в большей степени администратор, но пишу тоже. Я работал и в светской газете. Могу сказать, что разрушает коллективы светских газет изнутри, — конкуренция, желание продать себя подороже. За улыбки зачастую скрывается, мягко говоря, нелюбовь, переходящая в ненависть, всякие подсижки и т.д. У нас этого нет. Во-первых, мы очень бедны, и это нас от многого спасает. Вроде бы шутка, но это факт жизни, который действительно помогает: мы бедны одинаково. Во-вторых, мы сумели выработать за эти годы уважение друг к другу. Люди все разные, тем более, что со временем мы стареем, еще больше прилипают какие-то не самые приятные особенности характера, становимся не такими гибкими. Но при всем этом есть уважение каждого друг к другу — уважение и творческое, и личное.

Есть некоторые православные СМИ, которые, утрированно говоря, построились всей редакцией и пошли на литургию. У нас нет общего духовника. Есть духовный попечитель газеты — наместник Антоние-Сийского монастыря архимандрит Трифон (Плотников). Я обращаюсь к нему как редактор со многими сложными вопросами. Мы постоянно общаемся, я у

него часто бываю, лично исповедуюсь. Но я никого не тяну, чтобы непременно ехали к нему. У каждого сотрудника нашей редакции свой способ существования в церкви и этот способ уважаем каждым из нас. Каждый сам выбирает частоту причащения и все, что непосредственно связано с литургической жизнью, как и моменты, связанные с воспитанием детей, и т.д.

Имеет значение и то, что мы далеко от цивилизационных искушений. Что такое Сыктывкар? Небольшой город: 260 тысяч человек населения с пригородами. Как-то, сидя за общим столом, мы пытались понять: как сами здесь оказались? Ведь мы закончили питерский журфак, поработали в достаточно известных изданиях — я в «Труде» немножко поработал, другой наш сотрудник — в «Аргументах и Фактах». Люди имеют определенную школу и профессионализм. Как же мы оказались, с точки зрения Москвы, в дальнем захолустье? Иногда мы сами этому удивляемся. Потом постепенно пришло понимание, что случайного в этом ничего нет. Видимо, мы должны были оказаться в пустыне. Я не говорю, что там нет людей, — есть, и среди них много праведников. Но в плане православия это территория, которая представляет из себя духовную пустыню.

Разрушения, которые туда вместе с лагерями принесла советская власть, несравнимы даже с соседними областями — Кировской и Архангельской. И там были лагеря, но здесь была нарушена вместе с традиционной жизнью национальная жизнь. Иногда мы едем куда-то и чувствуем, что падем первую борозду. Идешь — как раньше сжигали наши предки лес на участке, делали «пожиг» и после этого первой бороздой шли. Вот мы ощущаем себя первопроходцами, когда паломничаем, путешествуем, едем в командировки. Так не чувствуешь себя, например, в Вологодской области. Там есть «гумус» культурный, также, как в Архангельской области и в Кировской. Именно в нашем регионе культурный слой очень «жидкий».

Сознание того, что все это не случайно, что Господь заботится о нас, очень укрепляет. Позднее мы узнали, где погибло больше людей, где была реальная Голгофа России: именно в наших краях в Европейской части России было замучено и уничтожено больше всего людей. Мы чувствуем, что среди них было очень много праведников, потому что и благодать обильно проистекает на деяния, которые на-

правлены на служение Богу. Для нас стали явно видны различные удивительные совпадения, помощь Божия в разных ситуациях, настолько, что она стала даже обыденна. К этому уже стали привыкать, что, конечно, недопустимо.

Многие годы мы жили с чувством, что выпустим последний номер — и все. Назавтра нам объявляли, что в три дня мы должны выселиться, и мы баррикадировались — а размещается наша редакция в помещении Дома печати. Много было ситуаций, из которых мы выходили совершенно удивительным путем, сами того не осознавая. И это, безусловно, сильно поддерживает. Помощь Божья выразилась и в финансовых вопросах. Наша газета — одна из немногих, если не единственная, которой государственная помощь идет из республиканского бюджета, и это солидная помощь. В год наше издание обходится приблизительно в миллион рублей: зарплата всех сотрудников, командировочные, т.е. все то, что позволяет функционировать небогато, но стабильно. Это получилось совершенно случайно с точки зрения внешнего человека. В 1991 году я перешел в газету неожиданно для себя, по благословению отца Трифона. Мы с ним даже съездили к отцу Кириллу (Павлову), чтобы укрепиться в решении. Он тоже благословил меня на это дело. По-видимому, благословение и молитвы помогают, т.к. с тех пор была масса случаев, когда по всем признакам мы должны были закрыться, разбежаться и т.д., но, тем не менее, как-то выжили. Сейчас стало проходить чувство последнего номера. Оно держалось, наверное, лет восемь-десять.

Кифа: *Что является внутренним кредо газеты? Ее интересно читать. Не про все церковные периодические издания так можно сказать, даже если они имеют финансирование и хорошо исполнены полиграфически. Сейчас есть такие издания, которые можно только листать и рассматривать картинки.*

Игорь Иванов: Я для себя понял: чтобы что-то получалось, надо испытывать искренний интерес к личности того человека, с которым ты общаешься, интерес к миру, который тебя окружает. Но этот интерес необходимо постоянно в себе возгревать, он требует внутренних усилий. Я думаю, в большой степени он возгорается той церковной жизнью, которую каждый из нас по мере сил пытается вести, часто, может быть, в ущерб семейной жизни. То, что мы получаем финансовые средства или какие-то дары Божьи, утешения, все направляем в сторону газеты. Она является центром нашего существования.

Кифа: *Вы все отдаете?*

Игорь Иванов: Наверное, не все, так как у всех есть семьи. По мере возможности.

Кифа: *Я имею в виду — время, силы.*

Игорь Иванов: Да. Мы все друзья и живем недалеко друг от друга. Я знаю, кто чем живет. Хотя у каждого могут быть и какие-то увлечения, газета остается центром. В этом смысле мы не отвлекаемся ни на что.

Кифа: *Насколько тому, что вы сохранились в течение 15 лет, помог статус независимого издания? Я знаю, что вы возникли еще до того, как появилась Сыктывкарская епархия. Но наверняка всегда была возможность перейти под покровительство владыки?*

Игорь Иванов: Да. Более того, владыка и сейчас говорит: «Возьмите у меня благословение и работайте под моим полным патронатом», что как вариант, конечно, возможно. Я пытался об этой ситуации говорить на фестива-

ле православных СМИ «Вера и слово», но меня оборвали, может быть, и правильно, потому что аудитория не готова к такому разговору. У нас есть владыки, с которыми мы дружим. Есть владыки, с которыми мы не в очень хороших отношениях — скажем, нам бы хотелось быть подальше от них. Но оптимальный вариант — обязательно держать дистанцию. Так показывает наш опыт. Это условие сохранения и определенного уровня газеты, гарантия нашей свободы и качества газеты. Скорее не гарантия, это сильно сказано, а — условие. Мы, может быть, неосознанно это делали, не формулировали. Работы много, крутишься, как заведенный: каждые две недели надо наполнять номер материалом, как в печку дрова. Но если сейчас абстрагироваться и попытаться проанализировать, наверное, для нас это принципиальный вопрос, не вторичный. Христианскую свободу можно сохранить в условиях, когда ты являешься соратником того же епархиального управления, власти, каких-то добрых начинаний, когда находишься именно в сотрудничестве, в партнерских отношениях. Если ты сливаешься с какой-либо структурой, личность исчезает, остается некая индивидуальность, но личность стирается и сливается с другой. Такая ситуация уже не позволяет отдавать, появляются как бы побочные интересы. Если бы мы работали под чьей-либо эгидой, то не смогли бы так выкладываться, потому что, думаю, появились бы дополнительные интересы, пересекающиеся и мешающие полностью отдавать свою энергию. Газета ушла бы из центра внимания.

Сейчас мы воспринимаем газету как служение: единственный смысл — это работать Богу. Если бы она была для чего-нибудь другого, мы бы уже давно разбежались зарабатывать деньги, как в обычной светской прессе. Мы видим, что служение не должно ни в коем случае уходить из центра нашей жизни. Визуально могу представить: если газета уходит из центра нашего сознания на периферию, то центр не может быть пустым, он начинает заполняться чем-то другим и разрушается стройный «аристотелевский» мир, в котором мы существуем, он превращается в «платоновский», и мы разваливаемся.

Кифа: *Важно ли различать административное подчинение и духовное руководство или духовное попечение?*

Игорь Иванов: Да, безусловно. У нас часто это не различают. Бывает, приходит какой-нибудь предприниматель к священнослужителю и просит о духовном руководстве, а батюшка часто наряду с духовным руководством начинает руководить его бизнесом и считает, что так и должно быть. Руководит не через воздействие на душу, на духовный мир, а через руководство этим миром, напрямую руководя вопросами, которыми предприниматель должен был бы заниматься сам. То же самое и у нас. Если есть духовная христианская жизнь, она должна идти через личность сотрудника, не через взаимодействие редакции как коллектива с административной, например, епархиальной структурой, а через личность каждого человека. Каждый человек имеет духовника и обращается к нему в спорных для себя вопросах, а духовник его направляет. Это и есть то, что осуществляет контакт между Телом Церкви и редакцией — не административно, не фактом какого-то финансового учредительства, а взаимодействуя через души сотрудников.

Беседовал Александр Буров

ДЕНЬ МОЛОДЕЖИ - 2005

О встрече молодежи Содружества малых братств (СМБ) рассказывают ее участники

Что ожидали?

О нашей жизни совершенно определенно можно сказать одно — она меняется. Не всегда мы успеваем за ней и, тем более, не успеваем предугадать, что окажется необходимым в будущем.

С 2004 года молодежным оглашением занимаются члены молодой 140-й общины, которая когда-то была одной из групп молодежного движения. Им помогаем мы, члены молодежной группы «Чудо Тимофеев», и это дело открывает для нас большую глубину проблем, связанных с путем молодого человека к Богу и в Церковь. Часто при общении с ищущими людьми начинаешь видеть, что у тебя самого не находится слов для серьезного разговора о вере, что у тебя нет твердой основы, на которую можно опереться, нет того огня, который свойственен людям искренним.

Появляется масса вопросов о своем качестве жизни, о своей верности и способности быть не только слушателем, но исполнителем слова. И становится ясно, что для личности необходимо искать личное общение с Богом и с ближними, а те умные вещи, которые были нам рассказаны на молодежном оглашении, не будучи преломлены сквозь личный опыт, остаются мертвыми: ты не способен поделиться ими, отдать их другим. Взрослый человек, приходя на оглашение, соотносит то, что там ему рассказывают, со своим жизненным опытом. Нам же, молодым, необходимо прожить изнутри некие духовно показательные ситуации, не попадая в ситуации, навязанные силами зла. Мы вместе напряженно ищем путей к Богу Живому, чувствуя, что кроме поисков лично каждого мы должны беречь свою молодежную группу, ибо ее потеря, разрушение будет грехом.

Еще один больной вопрос для нас — это наше место в Церкви, вернее, в той части Ее, в которой Господь удостоил нас жить — в Преображенском Содружестве малых братств. Конечно, можно принять ту позицию, которую мы считаем преобладающей в братстве — быть покорной рабочей силой и благочестиво таскать тяжелые предметы, сидеть с детьми и т.п. и вырасти с течением времени в полноценных христиан, но нас мучает смутная тревога — не растрчиваем ли мы зря возможности, данные специально нам, и не в том ли наш провал, что мы недостаточно способны разглядеть эти возможности и использовать их.

Очень ясно это показала подготовка к Дню молодежи, который пройдет 26-27 февраля в братском доме. Структура этой молодежной встречи предполагает один день, посвященный размышлению о будущем и настоящем нашего братского молодежного движения. Это редкая возможность спокойно сесть, посмотреть в глаза друг другу, найти болевые точки и попытаться найти пути решения проблем движения, подумать, как нам развиваться дальше. На второй день группы, прошедшие молодежное оглашение, принимают новые группы, чтобы увидеть их, пообщаться, понять, что от нас во многом зависит, станут ли они нашими братьями и сестрами или уйдут в «страну далекую».

Примечательно, что концепция проведения дня, его организация, докладчики легли на плечи оргкомитета, состоящего из членов молодежных групп и 140 общины. Можно без преувеличения сказать, что День молодежи 2005 года — это дело молодежного движения и мы способны, несмотря на разногласия, прийти к единому решению и воплотить его в жизнь. А сам День покажет, способны ли мы сами строить свою жизнь и, самое главное, — плод ли это юношеского самолюбия или ответ на вопрос Бога, обращенный к нашему поколению.

Михаил ЛУКИН

Что получилось?

Почему же так и хочется назвать его *Братским* Днем молодежи? И откуда такое ощущение праздника и радости, которое он оставил в сердцах многих? Прежде всего, нужно отметить, что собралась не только московская молодежь, но и питерская, и тверская. Конечно, это не вся молодежь, которая есть в содружестве, но ее немалая часть.

В первый день, 26 февраля, приглашалась только церковная молодежь, т.е. прошедшая молодежное оглашение и живущая церковной жизнью. Ведущим в этот день был бесценный руководитель молодежи Содружества А.М. Копировский. Начался день с общей молитвы в электричке и работы в братском доме. Далее, после общего веселого обеда, началась основная часть — встреча,

посвященная вопросам Молодежного движения (Что это такое? Как оно может жить? Ради чего?) Встречу предал небольшой доклад «Опыт РСХД как источник вдохновения для нас». Молодые люди, рано вставшие, после тяжелой физической работы и сытного ужина... Ну что они могут делать на встрече, которую ведет человек, отделенный от них тридцатилетней пропастью?! Казалось бы, ответ очевиден: спать! Ничуть не бывало! Горящие глаза и общая атмосфера свидетельствовали о противоположном. Оказывается, все эти вопросы действительно интересуют молодежь! Им всерьез хочется понять, что они из себя представляют в этом мире все вместе, как они могут жить внутри братств, к чему стоит прикладывать усилия, а к чему — нет, и еще многое другое. Разговор вышел таким интересным, что после общей молитвы (по благословению духовного попечителя мы пошли на всеобщую в местный храм, а потом еще и исповедовались там) и ужина разговор продолжался. Тут у некоторых, конечно, сил не всегда хватало и они задремывали прямо во время разговора, но, что удивительно, никто не уходил. Каж-

дый старался изо всех сил бороться со сном и максимально включаться в общий разговор.

День второй. Утро началось с чтения покаянного канона и молитвенного правила перед причащением. После этого все пошло на литургию к отцу Андрею в местный храм. Это было тем более важно, что за целый год, который мы ремонтируем братский дом, в этот храм ни разу не приходило столько людей из братства. А тут еще сплошная молодежь! Все сложилось удачно и батюшка всех причастил, даже тех, кто не был в этом храме на службе прошлым вечером. После литургии была общая трапеза с просфорой. К концу обеда подбежала та часть молодежи, которую не приглашали в первый день, т.е. нецерковная и околоцерковная (или прицерковная) молодежь СМБ.

Основная часть второго дня началась после обеда. А.М. Копировский уехал и доверил проведение второй части Дня молодежи самой молодежи, что случилось впервые с тех пор как в Содружестве проводятся такие мероприятия. Встреча была посвящена обсуждению темы «Кто такой взрослый человек? Критерии взрослости». Вел эту встречу руководитель самой юной молодежи (она создалась только осенью 2004 года) Олег Бим. На встрече присутствовало около 60-70(!) человек и при этом мы не делились на отдельные круглые столы, а говорили все вместе. Неизвестно, каким образом (только чудом!) все эти 60 молодых людей не гадали и не перешептывались друг с другом, а внимательно слушали других и сами выступали. После встречи все разошлись на несколько небольших групп. Часть людей стала играть в фольклорные игры, часть — собралась в комнатке и стали все вместе

петь под гитару, кто-то пошел на улицу и начал играть в футбол (причем не только юноши, но и девушки). И как-то само собой получилось, что никто не остался один, все нашли для себя что-то интересное. И тут, в этом неформальном общении, удалось наладить какие-то очень тесные личные отношения, что практически невозможно на общей встрече. Конечно, не все открыли для себя что-то новое или кого-то нового, но все-таки это было, и это вселяет надежду — надежду на то, что на этот раз жизнь молодежи не затухнет до следующего события, организованного взрослыми, что мы не будем больше лениво ждать, когда нам все разжуют и в рот положат! Позволяет с надеждой глядеть в будущее также и тот факт, что этот День молодежи практически полностью подготовила сама молодежь. Хочется верить, что дружба, зародившаяся на этом Дне молодежи, продлится и будет приносить добрые плоды, ибо «всякое дерево, не приносящее плода доброго срубают и бросают в огонь» и «по плодам их узнаете их» (Мф. 7:19-20).

Дмитрий СЕГАЛЬ

ДЕНЬ МОЛОДЕЖИ МОЖНО ОТМЕТИТЬ ПО-РАЗНОМУ (начало на стр. 3)

В сообщении были приведены и главные принципы РСХД: 1. Церковь — не только священники и епископы; 2. Литургия — общее служение всего народа Божия, а не священный театр с актерами и зрителями; 3. Православие — вселенское, а не национальное, и о нем нужно свидетельствовать всему миру; 4. Церковь — не часть жизни, а ее целостность; 5. Церковь и культура — природны (о. Сергей Булгаков призывал молодежь стать участниками творения православной культуры).

Во время обсуждения было отмечено, что в нашем движении практически те же принципы родились самостоятельно, а не были заимствованы. Это значит, во-первых, что все наше движение, независимо от возраста его членов, — «молодежное» в лучшем смысле этого слова, а во-вторых, что собственно молодежи еще нужно потрудиться, чтобы «войти в труд» бывших до них братьев и сестер. Об этом сказал в своем заочном напутствии участникам Дня молодежи духовный попечитель Детско-юношеского центра священник Георгий Кочетков. Он предложил им:

1. Вникать в братскую жизнь, реализуя принцип взаимной ответственности (они — за братство и братство — за них).

2. Всерьез углубляться в подлинную гуманитарную культуру («Каждый христианин должен быть культурным человеком» — Ш. де Фуко)

3. Понять, почему у современной церковной молодежи отсутствует дух миссионерства и постараться изменить ситуацию.

Во время и после обсуждения многие из присутствовавших отметили, что в этом году наше молодежное движение вышло на новый уровень: разные молодежные группы (их сейчас 10: 5 московских + электростальская, питерская, 2 архангельских и воронежская, всего около 120 человек) ошутимо сблизились, возросла их ответственность. Многие молодежные встречи проводятся практически без помощи старших. Здесь же договорились о поездке в начале апреля воцерковляемой молодежной группы Александра и Ольги Черемшанцевых в гости к С.-Петербургской группе и о приеме тогда же москвичами 2-х групп из Архангельска. Кроме того, было принято решение о возобновлении издания молодежной газеты «Фигус религиозус» и о создании сайта молодежного движения при СМБ, о проведении очередной летней церковно-археологической экспедиции, утверждена общая программа действий на лето.

Вечером число приехавших выросло до 32. Все были на богослужении и на исповеди в местном храме Богоявления Господня. В ожидании ужина, уже в темноте, больше часа отбрасывали от стен дома снег для установки там строительных лесов (кажется, сделали не меньше, чем за 4 часа перед обедом!). А утром вместе прочитали каноны и молитвы к причащению, затем участвовали в общей молитве на литургии и причащались — к удивлению и радости местных прихожан.

Ну, а потом, после общего обеда, наши ряды возросли еще более чем на 20 человек, — приехали те, кто входит в предгласительные молодежные группы, т.е. еще только ищет свой путь к Богу и в Церковь (кстати, две такие группы ведут «выпускники» молодежных групп Движения Александр и Ольга Черемшанцевы и Олег Бим). Новоприбывшие бурно участвовали в общей встрече на тему: «Взрослость и ее критерии» (ведущий — Олег Бим). В заключение выезда молодежь повеселилась «якоже можаху»: фольклорные игры на снегу, пение под гитару и т.д., и т.п.

Конечно, считать цыплят принято осенью. Но мы надеемся, что плоды этого Дня молодежи, сильно отличавшегося в лучшую сторону от нескольких предыдущих, проявятся раньше. Да и сам он, как представляется, уже был маленьким плодом дерева, посаженного Садовником «при потоках вод».

Александр КОПИРОВСКИЙ

ПАМЯТИ ФИЛОСОФА

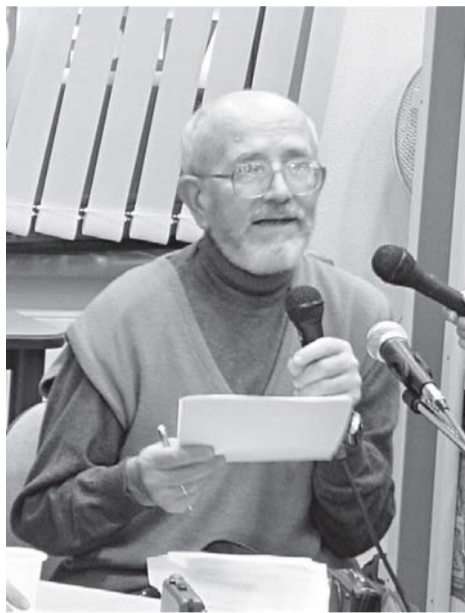
Несколько слов о Владимире Библихине

Первое, что кажется необходимым сделать, говоря о философе - постараться представить его как мыслителя, рассказать о его философских поисках и результатах. Однако я не вижу смысла делать это в краткой заметке о Владимире Библихине. Содержательный разговор на эту тему можно вести только "по гамбургскому счёту". Попытка понимания здесь неизменно сопряжена с диалогом, даже спором. Такое возможно либо при жизни философа, либо спустя некоторое время после его смерти. Сейчас же — время воспоминаний и анализа иного типа. Сейчас стало видно то, что невозможно было разглядеть раньше и, наверно, скоро исчезнет из виду. Именно об этом и нужно сказать, пока не поздно.

Примерно десять лет назад, когда еще не вполне спала эйфория от падения железного занавеса, мне случалось — в частных разговорах с европейскими философами, впервые обнаружившими нечто, что можно назвать русской философией, — отвечать на наивный вопрос: "Кого сейчас в России можно назвать выдающимся философом?" Я называл дватри имени, одним из которых неизменно было имя Владимира Библихина. Отвечал я тогда почти импульсивно. Здесь не было никакого анализа или чего-то похожего на экспертную оценку. Скорее чисто субъективное впечатление. Впрочем, надо признать, что не я один говорил тогда так.

Сейчас такой вопрос едва ли придется от кого-либо услышать. Но я вспоминаю о нем именно сейчас, спустя некоторое время после смерти Библихина, потому что ответа на него теперь нет. Так случилось, что за полтора десятилетия в нашей стране не появилось больше никого, кто мог бы быть назван выдающимся. И об этом следует подумать. Прежде всего, подумать надо о том, что же действительно выделяло Библихина в нашем философском сообществе. Заодно и о том, чего не хватило всем нам, до чего мы не дотянули, несмотря на немалые интеллектуальные усилия.

Воспоминания о делах десятилетней давности важны еще и потому, что весьма поучительным представляется сопоставление той ситуации с нынешней. Я уже упомянул об эйфории. Дело, конечно, не только в свободе слова и

снятии железного занавеса. Казалось, что философия в то время просто начала жить. Было такое впечатление, что мы обрели речь. После бессловесности и невнятного мычания философия в России становилась собой, т.е. собственно философией, способностью членораздельного самовыражения сознания ("сознания вслух", как выразился ранее Мамардашвили). Несмотря на бедность и экономические трудности, перед нами открывались захватывающие перспективы. Шло некое нащупывание пути (или путей), поиск форм и смыслов. Почему же именно тогда вопрос о выдающихся философах заставил вспомнить о Библихине? Теперь я думаю, что в отличие от всех нас, едва обретших речь, он уже имел свой собственный язык. Мы его только искали, словно пробуя на вкус феноменологию, постмодернизм, аналитическую фило-

софию, философскую герменевтику... Неопределенность языка корреспондировала с неопределенностью мысли. А он говорил внятно. Хотя это и была внятность особого толка, его язык был тяжел и непривычен. Но он говорил на нем свободно, точнее, свободно давал ему говорить через себя, проясняя подлинность раскрывающихся в говорении смыслов. Речь могла идти о разном — о философских категориях, о математических понятиях, об образах и символах различных культур. Но все это было лишь способом говорить о бытии, о его предельных смыслах, т.е. о том, о чем и должен говорить философ. Мы тоже старались делать это, но толком не знали как, а потому и не понимали что.

Что произошло за эти десять лет? К несчастью, кажется, что ничего. Библихин до последнего времени так и оставался единственным "выдающимся" философом, потому что только он один по-прежнему шел своим собственным путем. Наше философское сообщество очень многому научилось, оно освоилось с множеством школ и направлений современной западной философии и, похоже, остановилось на этом. Ничего своего мы за это время не создали. Ожидаемые перспективы так и не открылись. Философия постоянно сваливается то в методологию, то в историко-философские изыскания, а то и вовсе в публицистику. Мы, похоже, обрели язык, но этот язык оказался каким-то бедным и сказать на нем нечего.

Впрочем, период неопределенности кончился, и философия вошла в спокойное русло «нормальной науки». Беда в том, что, протекая по этому руслу, она рискует вовсе перестать быть философией. И сейчас уже отчетливо слышны голоса зыскующих ее практического применения. Причем голоса эти слышны изнутри философского

сообщества. Соблазн утилитарности нас преследует. Нам все время хочется объяснить, что философия полезна для науки, для бизнеса, для развития информационных технологий и даже для государственного управления. Как будто мы не знаем, что получилось из попытки реализовать призыв немецкого философа Карла Генриха Маркса изменить мир при помощи философии. Голос Библихина оказался, по-видимому, единственным, когда он писал, что "всякое употребление философии будет недолжное" и что "философия не для организации жизни".

Поставленные перед необходимостью выживать (ситуация, кстати, не новая за три тысячелетия европейской философии) многие наши философы, похоже, намерены преуспеть в решении этой задачи и предложить востребованные в обществе продукты философского труда. Именно в этой ситуации Библихину удалось не только сказать, но и сделать нечто важное. Он выделялся в современном интеллектуальном ландшафте своим упорным нежеланием производить нечто востребованное. Он просто следовал своей философской судьбе. И это простое следование судьбе оказалось значимым для всех. Значимым потому, что было не навязчивым, но постоянным и ясным напоминанием всем нам, каким делом мы заняты. Одно лишь заинтересованного общения с Библихиным было достаточно для того, чтобы понять, что философия — это не профессия, не работа, которой можно заниматься в будни с 9 до 18. Философия — это призвание, это настоятельное требование мыслить до конца, додумывать все до предела, пока мысль не упирается в границы немислимого и не останавливается в недоумении. И не дай Бог остановиться раньше, перестать мыслить на полдороге. Библихин был едва ли не единственным, кто умел мыслить так всегда. И вовсе не разделяя его философских предпочтений и методов, невозможно было, без компромиссов с совестью, поступать иначе, находясь рядом с ним. Кажется, это и делает его выдающимся философом.

Григорий ГУТНЕР,
канд. философских наук,
зав.кафедрой философии СФИ

СЛЕДУЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ УЖЕ НЕТ

Интервью с председателем русского православного молодежного кружка в Финляндии в 60-70-е годы Кириллом Борисовичем Глушковым

Кифа: Кирилл Борисович, расскажите, пожалуйста, о Вашем кружке.

К.Б. Глушков: В 1963 году в приходе Успенского кафедрального собора города Хельсинки мы организовали русский молодежный кружок, который собирался по пятницам каждую неделю в одно и то же время. Всегда была одинаковая программа: сначала доклад, потом пение русских песен и общее чаепитие. Обычно собиралось человек сорок. Всего в кружке насчитывалось больше ста членов, может быть, сто пятьдесят.

У нас были театральная, танцевальная и иконописная группы. Самая сильная, конечно, была иконописная. Со временем она распространилась на всю страну. И по сей день в каждой деревне пишут иконы. А в то время члены нашего кружка первыми в Финляндии занялись иконописью. Помогало нам парижское Общество иконы, которое возглавлял ныне покойный Леонид Успенский. Наша молодежь, в отличие от большинства финнов, говорила по-французски (финны чаще неплохо владеют английским), поэтому наши кружковцы смогли учиться во Франции. С 1964 года к Успенскому в Париж из Финляндии стали ездить учиться иконописи русские женщины и девушки. Потом мы получили от него курс иконописи, моя супруга Марьяна его отредактировала, а финская православная молодежная организация напечатала и по сей день, уже почти сорок лет, его распространяет. Мы перевели этот курс на разные языки, например, в этом году — на шведский. Вот толь-

ко получили из типографии эти брошюры на шведском.

Еще мы начали служить на шведском языке, чтобы разбавить двунациональность Финляндской православной церкви — как будто в ней могут быть только финны или русские, но ведь шведы в ней тоже есть. В Финляндии тогда действовал дискриминационный закон о том, что нельзя служить на приходе не по-фински (фактически это значило по-церковнославянски) без разрешения епископа. Но когда появилось богослужение на шведском языке, то ситуация изменилась, потому что шведский — второй государственный язык. Требовать обязательного разрешения в этом случае значило нарушать конституцию Финляндии. В результате стало возможным не спрашивать разрешения и для того, чтобы служить на других языках. Одним словом, кружок работал, крутился-вертелся, потом поменялся председателем, и все потихоньку развалилось.

Вот я завтра увижу всех кружковцев, которым уже по 60 лет. Что меня удивляет до сих пор, так это то, что многие члены кружка вступали в брак с инославными и крестили детей в лютеранской церкви.

Кифа: То есть следующего православного поколения у вас уже нет?

К.Б. Глушков: Да, следующего поколения у нас нет. А из моего поколения еще не умер никто, кроме четверых. Царство им Небесное! Все другие до сих пор живы. Ох уж эта молодежная работа — один у тебя не ходит два года, другой — четыре, третий — пришел два раза и про-

пал. Наши родители очень поддерживали кружок, переживали, если на нем что-то неправильно говорили о Достоевском или о ком-то еще.

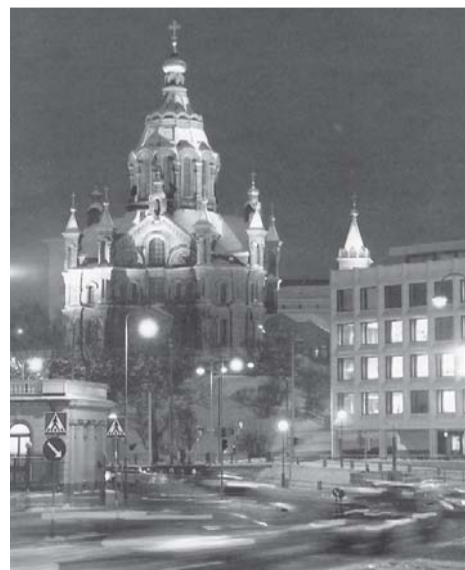
Кифа: На какие темы обычно были доклады?

К.Б. Глушков: На темы православия или русской литературы, архитектуры, иконописи и т.п. Доклады читали обычно русские эмигранты старшего поколения. В 60-е годы было еще много выходцев из царской России. У нас делал очень много докладов архитектор Иван Николаевич Кудрявцев, построивший Ново-Валаамский монастырь и кладбищенскую церковь св. Ильи в Хельсинки.

Когда приезжал из Советского Союза благочинный приходов Московского патриархата, мы всегда приглашали его выступить, потому что считали, что у нас не должно быть какого-то антисоветского чувства, что не надо быть ни "правыми", ни "левыми".

Ко мне как-то пришли из левой русской организации и сказали: «Слушай, Кирилл, - вы не имеете права открывать в Финляндии молодежную работу, которая не подчиняется Русскому культурно-демократическому союзу» — была такая просоветская организация. Я сказал им: «Идите сами знаете куда». С 1945 по 1963 годы фактически все русские организации в Финляндии были закрыты по требованию советской контрольной комиссии, работавшей под руководством Жданова на финской территории после войны.

Кифа: Вы не помните Веру Армфельд?

К.Б. Глушков: Которая с отцом Иоанном (Алексеевым) (Валаамским старцем — прим. ред.) переписывалась? Я помню ее лично, но она не выступала у нас с докладами. Она была в РСХД, их потом запретили по требованию комиссии Жданова. У нас с РСХД ничего общего не было. Мы не хотели общаться с белыми эмигрантами в Париже. Поэтому было несправедливо то, что журнал «Наука и религия» нас облял за это. Ничего общего мы с ними не имели. Леонид Успенский, у которого учились иконописи наши девушки, был гражданином Советского Союза — сразу после войны какое-то время многие эмигранты брали советское гражданство.

Вот в таких условиях пришлось нам заниматься православной молодежной работой среди русских в Финляндии.

Беседовал Александр БУРОВ
на фото: Успенский собор в Хельсинки
(www.ort.fi/helsinki)

КТО ТАКИЕ АНАБАПТИСТЫ?

Очерк драматической истории
радикального протестантского движения,
отвергшего младенческое крещение

Анабаптистами принято называть последователей некоторых радикальных религиозных реформаторских течений XVI в., практиковавших повторное крещение взрослых людей. Как считают современные историки, они появились практически одновременно и почти независимо друг от друга, распространившись в Швейцарии, центральной и южной Германии, северной Германии и в Нидерландах, причем никого нельзя с уверенностью назвать основателем анабаптизма. Не приходится также говорить о какой-то школе или плееде учеников, которые хранили бы традицию, так как анабаптисты периода Реформации были большей частью физически уничтожены (за исключением, может быть, меннонитов), став объектом яростных преследований со стороны как католиков, так и протестантов.

В 20-е гг. XVI в. — период появления анабаптистов — повсеместно господствовала практика младенческого крещения. Так было у католиков. Но и Мартин Лютер не поставил под вопрос правомочность существующего положения.

Критика младенческого крещения впервые возникает, тем не менее, не в движении анабаптистов, а у Ульриха Цвингли, лидера швейцарских реформаторов в Цюрихе. Подобно Мартину Лютеру настаивая на приоритете Писания, он, в числе прочих выводов, приходит к мысли о том, что такая практика не имеет библейских оснований и публично заявляет об этом. Однако очень скоро он отказывается от своей позиции, что, собственно, и приводит к тому, что из среды его сподвижников выделяются те, кто не пожелал согласиться с такой метаморфозой. Этих своих бывших друзей, ставших врагами именно из-за вопроса о крещении, Цвингли называет анабаптистами. Один из них, Конрад Гребель, происходивший из знатной семьи, получивший прекрасное университетское образование, будет изгнан из Цюриха (умер от чумы в 1526 г.), другой, Феликс Манц, будет утоплен там же в реке в 1527 г. (этот вид казни считался особенно подходящим для «перекрещенцев»).

Существуют воспоминания свидетеля и участника первого анабаптистского крещения, некоего Георга, по прозвищу Блаурук (Синий плащ), который, также изгнанный из Цюриха, проповедовал в Австрии, пока не был схвачен и сожжен на костре в 1529 г. О Цвингли он пишет, что тот «дрогнул перед крестом Христа, позором и преследованием и не пожелал этого (т.е. крещения — О.С.) и утверждал, что разразится восстание». О себе же, Конраде Гребеле и Томасе Манце он вспоминает: «Они пришли к единомыслию в этих вещах и в чистом страхе Божиим признали, что человек должен... принять истинное христианское крещение на основе признания и исповедания своей веры, в союзе доброй совести с Богом, [приготовившись] отныне служить Богу во святой христианской жизни во всяком благочестии, а также быть твердым до конца в скорби. И случилось так, что они были вместе, пока не нашел на них страх, так что сердца их сжались. После чего они стали преклонять колени перед Богом Всевышним на небесах и зывали к Нему, Сердцеведцу, и умоляли дать им исполнить Его божественную волю и явить Свою милость к ним. Ибо не плоть и кровь и не человеческая дерзость двигали ими, хорошо знавшими, что им придется понести и выстрадать из-за этого. После молитвы, Георг <...> поднялся и попросил Конрада крестить его, ради Бога, истинным христианским крещением, по его вере и знанию. И когда он опустился на колени с этой просьбой и желанием, Конрад крестил его, поскольку в этот момент не было рукоположенного диакона для исполнения этого. Когда это было сделано, другие также пожелали таким же образом, чтобы Георг крестил их, что он и сделал по их желанию. Так они вместе предали себя имени Господа в высоком страхе Божию. Каждый укреплял другого в служении Евангелия, и они стали учить и хранить веру. С этого началось отделение от мира и его злых дел...»

Уже из этого свидетельства видны основные моменты отношения анабаптистов к крещению. Они считали:

— что младенческое крещение — не истинное крещение; креститься истинно может только взрослый человек, так

как прежде крещения человек должен исповедать свою веру, неотделимую от знания;

— это должно происходить только в собрании единомышленников (позже у анабаптистов сложился чин, согласно которому собравшихся спрашивали, нет ли у кого-то возражений против крещения этого человека, и крестили, только если их не было);

— крещение знаменует собой поворот всей жизни — отречение от мира и его злых дел и готовность к Христову страданию, вплоть до смерти.

Почему анабаптисты считали младенческое крещение не истинным? Во-первых, потому, что в Писании нет предписаний о нем. Более того, и в жизни апостолов не находится примеров младенческого крещения. Во-вторых, потому, что истинному крещению должна предшествовать истинная, зрелая вера. Об этом говорит, например, Микаэль Саттлер, бывший аббат Бенедиктинского монастыря, примкнувший к движению анабаптистов в 1525 г. и казненный в 1527 г., автор широко распространенного Шляйтхаймского исповедания веры анабаптистов. Во время допроса (документ о нем по форме чрезвычайно напоминает мученические акты первых веков христианства, а изощренность приговора, вынесенного «добрыми католиками», думается, оставляет древних далеко позади) он отвечает на обвинения на основе цитат из Писания: крещение само по себе еще не дает спасения, так как мы живем только верою (Рим 1:17), кто верует (сначала) и крестится (затем), тот спасен будет (Мк 16:16), спасает не крещение как «плотской нечистоты омытие, но обещание Богу доброй совести» (т.е. завет с Ним) (1 Пет 3:21).

Семья анабаптистов в Моравии

Вышеупомянутый Конрад Гребель пишет об этом подробнее в своем письме к Томасу Мюнцеру: «Вода не увеличивает и не усиливает веру и на смертном одре не дает великого успокоения и последнего пристанища... На основании следующих писаний — Быт 8, Втор 1, 30-31; 1 Кор 14; Прем 12; а также 1 Пет 2; Рим 1, 2, 7, 10; Мф 18-19; Мк 9-10; Лк 18 и др. — мы держимся того, что все дети, не приобретшие различия между добром и злом и не вкушившие от древа познания, наверняка спасены страданиями Христа, нового Адама, восстановившего искаженную жизнь; они подлежали бы смерти и проклятию, если бы Христос не пострадал, а потом не восстал ради немощи нашей изломанной природы, — разве что кто-то докажет нам, что за детей Христос не умер. Наше утверждение, что от всякого, кому надлежит спастись, требуется вера, не относится к детям, и на основании вышеприведенных текстов мы соглашаемся, что они будут спасены без веры и что они не веруют. Из описания крещения, из Деяний (согласно которым, ни один ребенок не был крещен) и из вышеуказанных текстов — единственных на тему детей, и из всех других мест Писания, где ничего не говорится о детях, мы заключаем, что младенческое крещение есть бессмысленная, кощунственная мерзость, противоречащая всему Писанию и даже отцам, ибо из Киприана и Августина мы узнаем, что еще многие годы

после апостолов, еще в течение 600 лет, вместе крестились и верующие, и неверующие...»

Истинное крещение, по мнению Бальтазара Губмайера, одного из наиболее образованных лидеров анабаптистского движения, признанного «богослова» анабаптистов, включает в себя крещение Духом, крещение водой и крещение кровью. Крещение Духом — это «внутреннее просвещение нашего сердца, подаваемое Святым Духом через живое слово Божье».

Тогда крещение водой — это «внешний и очевидный знак внутреннего крещения Духом». Губмайер подчеркивает, что в нем «человек исповедует свои грехи перед всеми людьми».

Лидер анабаптистов Конрад Гребель

Крещение кровью, третий аспект этого таинства, по Губмайеру, — это «ежедневное умерщвление своей плоти, вплоть до смерти».

Через крещение человек «входит и становится частью вселенской христианской Церкви» — Церкви-Матери, Невесты без пятна и порока, равно как и частью малой «церкви-дочери» — конкретной церковной общины.

Шляйтхаймское исповедание, за которое мученически умер его основной автор, упомянутый выше Микаэль Саттлер, открывается статьей 1 «Относительно крещения»: «Крещение должно даваться всем, кто был научен покаянию и исправлению жизни и [кто] истинно верит, что их грехи отняты через Христа, и всем тем, кто желает идти в воскресение Иисуса Христа и быть погребенными с Ним в смерти, так чтобы они могли восстать вместе с Ним; всем тем, кто с таким пониманием сами пожелают и попросят этого у нас; тем самым исключается любое младенческое крещение».

Здесь добавляется еще одно знаменательное слово — *научение* — покаянию и исправлению жизни.

О научении и ученичестве говорится и в трактате Ханса Денка «Относительно истинной любви» (1527). Один из лидеров южногерманских анабаптистов, умерший в 27 лет от чумы (что, надо думать, избавило его, в числе немногих других, от более страшных мучений и смерти), оставил очень красивый и глубокий текст о любви как сердце христианства. О научении в нем говорится: «Самое важное поручение ученикам Иисуса Христа — учить и делать [людей] учениками Господа, ища прежде всего Царства Божия. Когда вы крестите прежде, чем человек стал учеником, вы этим действием говорите, в сущности, что крещение важнее научения и знания. В глазах Бога это ужасная ошибка. Поэтому если научение важнее крещения, пусть крещение подождет, пока совершится научение... Поручение ясно говорит: «Идите и научите, делая учениками все народы, крестя их (тех, кто стал учениками!) во имя Отца (Который привлек их к Себе) и Сына (Который теперь ведет их) и Святого Духа (силою Которого они укрепляются на исполнение воли Отца)...» Поэтому крещение без научения не есть истинное крещение».

О том, почему частный вопрос о детском крещении оказался решающим и для судьбы анабаптистского движения,

и в большой степени для выбора дальнейших путей церковной Реформации, пишет Нельсон Крейбелл в статье «Цюрих: рассадник радикальных перемен» в журнале «Анабаптизм сегодня»: «Городской совет Цюриха в конце концов установил декретом обязательность младенческого крещения всех детей города Цюриха. Такое решение понятно: люди принимали «константиновскую» модель общества. Позволить членам общества самим решать вопрос о вере значило бы сильно ослабить социальное и политическое влияние государственно спонсируемой церкви... На карту было поставлено гораздо больше, чем крещение; эти реформаторы стояли на грани восстановления церкви из добровольных членов, свободной от государственного контроля. Если не считать спорадических или маргинальных движений, такой свободной церкви не существовало в Европе вот уже свыше 1000 лет».

Столетиями большинство историков, вслед за Лютером, видели в анабаптистах XVI в. фанатичную секту невежественных экстремистов. Но сегодня такие оценки уже сомнительны: западные ученые говорят о том, что Европа обязана им как героическим предшественникам, впервые выдвинувшим целый ряд ценностей, на которых строится европейское общество. Но и для сегодняшней Церкви на Западе наследие анабаптизма не потеряло своей актуальности. Лютеранин Э. Пармантье в связи с вопросами лютерано-баптистского диалога пишет: «Церковь злоупотребляет своим правом, когда ставит крещение впереди веры. Не обесценивает ли крещение младенцев таинства крещения, превращая его в общественный ритуал, не обесценивается ли таким образом посылаемая нам благодать? Не получается ли, что крещение дискредитируется самими крещаемыми, утрачивающими всякую связь с церковью? Таковы были вопросы той эпохи, они остаются и поныне и заставляют нас и сейчас всерьез задуматься».

Число казненных и убитых анабаптистов насчитывает, по всей вероятности, десятки тысяч. Анабаптистская гимнология и мартирология только сейчас становятся предметом сочувственного и научного изучения.

Протестантизм не знает понятия святых мучеников. Но сегодняшние «анабаптисты», те, кто считают участников движения XVI в. своими духовными предшественниками, стараются собирать, изучать их наследие, находя зерна истины для своей повседневной работы. Вопрос о возрасте крещения решен в так называемых реформатских церквях в пользу взрослого крещения. Но как быть с подростками и детьми верующих родителей во время причащения? Об этом размышляет сегодня читатель журнала «Анабаптизм сегодня» Боб Эллоуей (на сайте анабаптистов есть на эту тему специальный форум). Дети моложе 7 лет покидают молитвенное собрание, но желающие подростки 12-14 лет вместе со взрослыми стараются проверить свою совесть и затем могут причаститься к Вечере Господней. От них ожидается, что в свое время они попросят о крещении.

Подведем некоторые итоги.

Анабаптистское движение в свое время поставило резко и отчетливо вопрос о действенности и действительности крещения. Довольно второстепенный вопрос о возрасте крещения на практике оборачивается очень серьезными последствиями в экклезиологическом плане. Из удивительных судеб анабаптистов видно, что взрослое крещение верующих создает совсем другую церковь. Как пишет профессор Стэнфордского университета Льюис Шпитц, это «видимое обещание святых, живущих святой жизнью, с исключением из нее неверующих и не соблюдающих морали... В своем отделеении от безбожного мира они стремились жить по заповедям Нагорной проповеди Христа очень буквально, не сопротивляясь воздействию на них зла, отказываясь давать клятвы и отвергая военную службу. Они также культивировали понятие Церкви страдающей, ревнуя о «страдающем отроке», о Котором пророчествовал Исайя и Который воплотился в Иисусе».

Ольга СУШКОВА

Благодарим сотрудников библиотек ББИ, СФИ и Христианской литературы за помощь в подборе материала

НАМ НАДО НАДЕЯТЬСЯ
(начало на стр. 1)

Вопрос: Сейчас довольно много говорится о глобализме, и, наверное, Ливан этого тоже не избежал...

Митр. Павел: Да, но это не уничтожает особенности.

Вопрос: Я как раз хотел спросить, как сохраняются традиции антиохийской церкви и национальные традиции?

Митр. Павел: У нас нет такого влияния, которое отняло бы у нас возможность сохранять нашу собственную традицию. Например, нам никогда не навязывали русский язык. Школьникам, которые учились в русских школах, всё-таки давалось обучение по-арабски, и они выучились говорить и выражать свои мысли на арабском. Мы очень благодарны за то, что нам дали такую возможность — сохранить свой язык. Например, мой предшественник, несмотря на то, что он учился в России и отлично говорил по-русски, говорил и на арабском. Поэты, которые учились в России, писали стихи на арабском.

Вопрос: Язык богослужения у вас — арабский, а чин литургии — традиционный греческий, Иоанна Златоуста? Или используются какие-то иные, может быть, местные, национальные, более древние чины?

Митр. Павел: У нас нет местного чина. Это греческие, византийские службы. Поэтому грекам очень легко с нами.

Вопрос: У меня ещё один вопрос, практический, касающийся общения с нецерковной молодёжью. Есть ли какие-то критерии, которые определяют, насколько миссионер, проповедник, может с целью проповеди и миссии воспринимать их культуру, которая является нецерковной культурой, насколько — по известным словам апостола Павла — он может становиться кем-то для кого-то? Т.е. есть ли то, что определяет этот предел, дальше которого уже нельзя?

Митр. Павел: Я думаю, что Христос, такой, как Он описан в Евангелии и в патристическом предании, это и есть действительный образ. Когда представляешь Христа по-другому, то можно как-то подменить образ Христа, неправильно его передать. Некоторые представляют Его как чучело, куклу, которая пугает детей. Некоторые представляют Его как кого-то, кто, скорее, ограничивает свободу. Христос, Который есть Бог Любви, Который воплотился, Который любит людей, — вот такое представление наверняка поможет миссии. Я думаю, что Христос не должен пугать. В поезде между Москвой и Белгородом мы встретили молодых мужчину и женщину, которые были обручены. Молодой человек — химик-биолог. Его отец был свидетелем Иеговы, а он очень ясно говорил, что он атеист. Наш друг Тони говорил им о любящем Христе, Который открывает любовь всем, Который интересуется нами, наблюдает наши действия, наши мысли. И они обещали, что будут продолжать общение, молодой человек дал свою визитную карточку. Я молился, чтобы этот человек получил спасение. Господь сказал: «И когда я буду вознесен от земли, всех привлеку к Себе» (Ин: 12.32). Церковь не должна отдыхать, Она всегда должна действовать, не раздумывать — а что мне можно делать? И не надо нам бояться встретить людей, которые не верят. И молиться нужно, конечно. Я не хочу хвалить Россию. Ваша вера — сильная вера, она победила все гонения. Это благодать Божия. Значит, перед вами лежит большая работа. Когда Господь велел идти ловить рыбу, Он сказал: идите подальше, у берега нет рыб. Когда Пётр ответил Ему: я уже целую ночь сижу и ни одной рыбы не поймал, но по слову Твоему заброшу, — он доверился Господу. Вот и нам тоже надо надеяться, как Пётр.

Беседовали
иером. Агафангел (Белых)
и Дмитрий ГАСАК

Нашу газету можно приобрести:

В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38); в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомино (ул.

ОТЕЦ СЕРГИЙ - АНГЛИЙСКИЙ ДЖЕНТЛЬМЕН
И РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ

9 февраля от инфаркта скончался доктор философии протоиерей Сергей Гаккель

Прошел год с номера "Кифы", посвященного памяти Сергея Сергеевича Аверинцева. Тогда в одном из прощальных слов, сказанных на панихиде, прозвучала мысль о конце "аверинцевской эпохи", о том, что с его уходом действительно закончился двадцатый век. И будто торопясь вслед за невидимой подведенной чертой, один за другим начали уходить последние из тех, кто держал на себе прошедшее столетие.

Не всех из них мы подробно вспоминаем в этом сегодняшнем номере, потому что иначе он весь стал бы сплошным поминовением только что ушедших от нас замечательных людей. Но мы обязательно будем вспоминать и Вильгельма Генриховича Фаста, чьими трудами создан единственный в России музей, посвященный жертвам репрессий, и о. Илью Шмаина, одного из немногих оставшихся еще исповедников веры.

Каждому из них удалось завершить в своей жизни что-то важное, но удивительнее всего эта завершенность явила себя в жизни о. Сергея Гаккеля, чей главный труд — прославление матери Марии (Скобцовой) — так удивительно и радостно исполнился меньше года назад.

о. Сергей Гаккель и Е.Д. Клепинина-Аржаковская - дочь сщмч. Димитрия Клепинина

Отец Сергей — скромный батюшка, настоятель маленького прихода РПЦ в городе Льюис, был ученым, крупным знатоком истории Церкви, и великим экуменистом. Он более тридцати лет был главным редактором экуменического журнала "Соборность" и автором многочисленных статей и выступлений, в которых горячо отстаивал право всех христианских конфессий и юрисдикций на равенство и братскую любовь в Церкви Христовой. Долгие годы он принимал участие в жизни православно-англиканского общества святого Альбана и преп. Сергия, а также был активным и постоянным членом инициативных групп британского союза иудеев и христиан и британского и всемирного совета церквей. Его голосу доверяли, его советов искали, он был желанным участником многочисленных заседаний и конференций, на которых решались важные этические или социальные проблемы общества. Около десяти лет назад его попросили возглавить благотворительное общество святого Георгия, и многие больницы, дома для беспризорных детей, бездомные и матерно-одиночки в России навсегда запомнят это его служение.

Сергея Гаккель, будущий отец Сергей, родился в 1931 году в семье русских интеллигентов, эмигрировавшей из Рос-

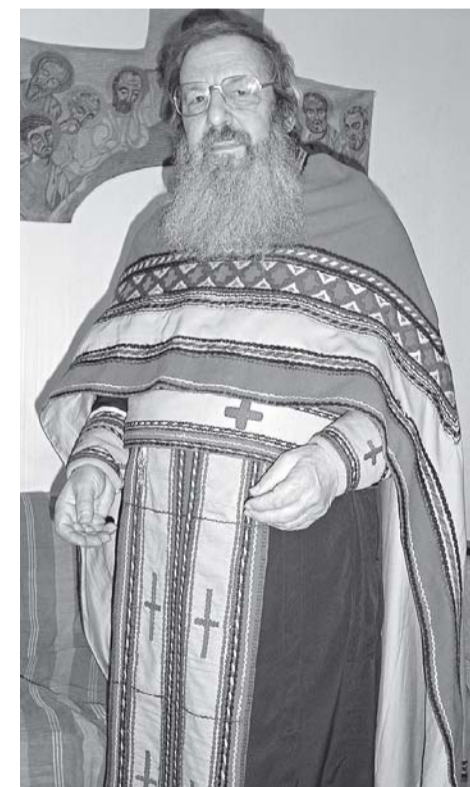
сии в 20-х годах, и был крещен в православие. Вера его была искренней, глубокой и смиренной. Ничего не было напоказ. Ни сияющих облачений, ни украшенных драгоценными камнями крестов. Но сила его веры и преданность своей Русской православной церкви проявлялись в его юношеском максимализме, когда он еще мальчиком в английской школе-интернате отрез отказывался ходить на англиканскую литургию, или когда критиковал свою церковь, вернее, церковные власти, за фальшь, неправду и потакание нездоровым инстинктам толпы.

Его стремление к чистому, здоровому пребыванию верующих в церковной ограде нашло свое отражение в его работе в качестве редактора религиозных программ русской службы БиБиСи. Здесь он проработал более двадцати лет, и почти до последнего дыхания — в ночь перед инфарктом он написал в студии несколько важных интервью — в том числе о взаимоотношениях РПЦ и государства и о российской церковной интеллигенции. Он также прочитал в последний раз для русских слушателей стихи из Евангелия — о крещении Господнем.

Будучи глубоко верующим человеком, отец Сергей не был святошей: он любил, ценил и понимал искусство,

был знатоком иконописи, авангардной живописи, любил джаз и отлично знал его историю. Он был дружен и в какой-то момент помог великому английскому композитору Бенджамину Бриттену разобраться в литургическом песнопении, которое Бриттен должен был ввести в одно из своих произведений. В концертных залах Англии до сих пор звучит «Реквием» Анны Ахматовой, который отец Сергей по просьбе знаменитого композитора Джона Тавенера перевел на английский язык (перевод получил высокую оценку Исая Берлина). Автор научного исследования о "Двенадцати" Блока, он перевел значительные отрывки этой поэмы на английский язык. Среди его переводов — также поэзия матери Марии Скобцовой, о которой он написал книгу, непревзойденную до сегодняшнего дня по глубине духовного постижения этой подвижницы. Прославление матери Марии во многом обязано этой скрупулезно, и в то же время с великим чувством созданной им работе, ибо мир смог познакомиться с деяниями матери Марии благодаря собранному отцом Сергием материалу о ее жизни и о жизни окружающих ее русских эмигрантов во Франции в довоенное и военное время. Отец Сергей создал эту книгу на английском и русском языках, так как блестяще владел обоими. Он был настоящим английским джентльменом и русским интеллигентом дореволюционной России. Возможно, что этот удивительный, тихий, деликатный человек с живым умом и отзывчивой душой был одним из последних звеньев, которые так легко, так гармонично соединяли Восток с Западом.

Фаина ЯНОВА,
автор религиозной программы
русской службы «БиБиСи»

о. Сергей Гаккель в облачении, сшитом прмч. Марией (Скобцовой)

Николяемская, д.6); в книжном киоске первого гумфака МГУ; в Санкт-Петербурге: в магазине "Слово" (ул. Малая Конюшенная, 9); в Париже: в магазине «YMCA-Press».

Телефоны распространителей:

Москва: (095) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 210-7006 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова)

Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная); Тверь: 8-082-250-2308 (Олег Ермолаев); Архангельск: 8-921-299-4978 (Андрей Подоров); Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова)

Редакторы:

Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина
(Москва)

Над номером работали:

Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Александра Ошарина
Анастасия Наконечная
Елена Шевелева

Иллюстратор: Татьяна Аразян

Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш
Анна Лепехина

Тел./факс: (095) 923-03-80

e-mail: kifa@list.ru
Тираж 1000 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.